

Василий Лягоскин

*Белое
проклятие
карахань*

*Свет далекой звезды:
история первая*

Василий Лягоскин

Белое проклятие караханы

«Издательские решения»

Лягошкин В. И.

Белое проклятие караханы / В. И. Лягошкин — «Издательские решения»,

Эта история — первая из повестей о Свете, записанных ученым историком Би Росланом о своем друге — могучем охотнике, волею судьбы ставшим спасителем родной планеты и иных миров. В звездных каталогах Земли, вырвавшейся в большой космос, затерялась звездная система, подобная Солнечной. На четвертой планете системы кипела жизнь. В глубине одного континента — на берегу тихой речки Русинки, надежно укрытой от большого мира непроходимыми лесами — жил маленький род...

© Лягошкин В. И.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Охотник из рода Ясеня	6
Глава 2. Талисман	12
Глава 3. Учитель	19
Глава 4. Предводительница парсов	28
Глава 5. Поединок	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Белое проклятие караханы
Свет далекой звезды: история первая
Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Охотник из рода Ясеня

Огромный серый пес, бегущий впереди хозяина по узкой лесной тропе, внезапно замер, задержав на весу переднюю левую лапу. Он вытянул вперед свирепую морду, приняв себя к едва различимому чужому запаху. Увидь сейчас со стороны этого зверя знаток собачьих пород, он был бы поражен: слепой случай разбудил в этой собаке – единственной в своем роде – силу и навыки далеких, давно вымерших предков. Когда-то их создали специально для охоты на крупных хищников.

Его мощное тело лишь короткое мгновение оставалось неподвижным. Однако когда Волк – так звали пса – повернулся назад, хозяина на тропе уже не было. Острые глаза, чуткие уши и нос, несравнимый по чувствительности с другими, даже дикими волчьими, не уловили рывка молодого охотника, исчезнувшего в густом ельнике. Казалось, толстый слой сухой лесной подстилки не позволял никому передвигаться бесшумно. Но ни один, даже самый тихий звук не нарушил сейчас обычного шелеста листьев!

Мало кто из живущих в этом мире мог распознать в стремительном движении человека отточенную технику искусства Дао. Но и самый бесстрастный мастер древнего искусства изумился бы, увидев сейчас охотника. Парню, столь искусно демонстрирующему навыки боевого искусства, только недавно исполнилось восемнадцать лет. Откуда мог знать простой деревенский парень о древнем учении Дао? Не в лесу же он научился этим плавным, текучим движениям? Не дикие звери были его учителями; тем более не сородичи, которых в мире считывалось не более шести десятков.

И все они жили здесь, рядом, в одной деревушке. Родная деревня парня, до которой оставалось не больше версты, затерялась в дремучих лесах, где не было ни одной настоящей дороги. Попасть сюда из большого мира можно было только по звериным тропам; или на лодке – по тихой речушке Русинке...

Волк тоже бесшумно, хоть и не столь стремительно, прыгнул в ельник. А охотник между тем отметил, что мерный шум леса не разбавлен звуками недалекой уже деревни. Обычно уже за версту он слышал веселый звон молота по наковальне, а потом и звонкие крики играющих ребятшек.

Человек и собака заскользили по лесу подобно свету и теням. Так бесшумно и стремительно, как молодой охотник, мог прыгать меж кустом разве что солнечный луч, пробившийся сквозь густую листву. Весь вид охотника напоминал о солнечном посланце – длинные и светлые, цвета спелой ржи, волосы; голубые глаза – ясные, бездонные, словно небо в первый по настоящему весенний день. Этому спокойному, уверенному в себе, судя по выражению лица, парню как никому другому подходило имя, данное при рождении – Светослав, или Свет, как его обычно называли родичи.

Свет резко остановился и пригнулся, практически невидимый в густых кустах бузины. Рядом вздыбил шерсть на загривке Волк. Но рычание, готовое прорваться сквозь страшные зубы, не нарушило безмятежной, казалось бы, тишины леса. То ли потому, что крепкая ладонь опустилась на загривок пса; то ли, потому что Волк был не только громаден и силен, но и удивительно умен для собаки. А шуметь сейчас не следовало. Несколько мгновений оба рассматривали место, самой природой предназначенное для засады.

Вдоль узкой тропы, по которой охотники обычно возвращались домой, лежал огромный ствол старой ели, поваленный недавней бурей. За ней могли спрятаться, особо не теснясь, пара десятков воинов. Но сейчас только два человека, одетых в легкие кожаные доспехи, удобно устроились на куче лапника. Устроились с арбалетами в руках, направленными на тропу.

Свет знал, каким страшным оружием в опытных руках может быть арбалет. Сам он предпочитал на охоте лук – изготовленный собственными руками, и отличавшийся абсолютной точ-

ностью и бесшумностью. Любопытство, охватившее было Света, переросло сейчас в тревогу. Слишком вольготно – по-хозяйски – расположились на чужой земле эти люди. Все внимание они направили на тропу; никто не охранял сейчас их со стороны деревни. А значит там...

Волк отвлек хозяина от тревожной мысли, прижав уши и подняв голому кверху с немым вопросом в глазах. Свет понял этот вопрос. А поняв, захватил в горсть шерсть на загривке и легонько дернул, словно говоря: «Я сам!».

Наполнив грудь чистым лесным воздухом, он таким же стремительным, как прежде, рывком преодолел отделявшее его от засады расстояние и, казалось, лишь коснулся обоих воинов ребром ладони. Хорошо рассчитанные удары, нанесенные в нужное место, сделали свое дело. Два тела обмякли ровно настолько, что Свет успел не торопясь связать их и сунуть во рты чужаков оторванные с корнем рукава их собственных рубах.

Воины – оба темноволосые, скуластые – были крепко сложены. Давний шрам, перечеркнувший левую щеку более крупного и более старшего по возрасту воина – одетого побогаче и владевшего кривой саблей, украшенной самоцветами – указывал на участие его по крайней мере в одной битве. А скорее всего не в одной – потому что он, очнувшись, единственным движением тела явно понял, что освободиться без посторонней помощи не получится. Потому и замер опять, глядя на охотника спокойными, совсем не подходящими для бедственного положения, глазами.

Второй – помоложе – дергался, стараясь избавиться от пут, подольше. Даже попытался зацепиться кляпом за острый скол елового корня.

– Куда ты торопишься, – недобро усмехнулся Свет, рывком сажая его на лапник, – хочешь поговорить?

Он сунул к глазам парня (на воина тот пока не тянул) свой нож – длинный, похожий больше на воинский кинжал. Маленький – так назвал его охотник – откинулся всем телом назад, мгновенно лишившись надменного выражения лица и замер, натолкнувшись на подвернувшийся вовремя ствол другой ели затылком.

– Кто вы? – спросил второго, Большого со шрамом, Свет; тот не шелохнулся, так же безразлично глядя в пространство и охотник понял, – не знает языка.

Впрочем, Свет подозревал, что его родной язык вообще мало кому знаком в этом мире; зато сам он знал еще один – дуганский – которому его обучил учитель, мастер Ли.

– Кто вы? – повторил он уже по-дугански, который, если верить учителю, был распространен повсеместно, потому что его предпочитали торговцы.

Не верить мастеру Ли не было оснований, и молодой охотник сейчас лишний раз убедился в этом. Большой по-прежнему не шевелился, однако уголки его глаз предательски дрогнули.

– Сейчас я вытащу, – сказал Свет, взявшись за кляп, – крикнешь – умрете оба. Ты понял меня?

Большой, помедлив, кивнул, так же глядя мимо охотника.

Свет рывком освободил ему рот и посадил рядом с Маленьким. Незаметно подкравшийся Волк сел напротив, показав громадные клыки.

– Кто вы, – опять повторил охотник, – и что вы здесь делаете?

– Позор! – воскликнул тот вдруг, и затянул потом, словно погребальную песнь, – позор воину, связанному рукой ребенка.

Ребенок, ростом и статью не уступавший причитавшему, усмехнулся:

– Может, он ответит, – и взялся за кляп Маленького.

Большой вдруг выгнулся к товарищу всем телом и, обратив к нему взгляд своих темных глаз, быстро бросил прямо в лицо несколько гортанных слов. Этой фразы Свет не понял; так же, как не понял – почему Большой внезапно обмяк, откинулся на спину, и уставился теперь широко распахнутыми глазами в небо. Второй, с испугом и видимым внутренним боре-

нием глянув в глаза охотника, не стал ждать, когда кляп освободится для последних в жизни слов. Он гордо выпрямился сидя и, усмехнувшись прямо в лицо врагу, тоже обмяк. Маленький скользнул по стволу и растянулся рядом с товарищем; тоже с открытыми глазами.

– Мертвы! – понял потрясенный охотник, переводя взгляд с одного тела на другое.

Это был его дар – вернее один из многих талантов, выявленных, точнее дремавших раньше и пробужденных учителем. Свет безошибочно определял смерть, как бы человек не притворялся. Более того, непонятым другим (да и себе тоже) зрением он видел сам момент смерти – тот порог, переступив который, вернуться было невозможно. И этот порог – страшный и неотвратимый – как понял вдруг Свет, кто-то уже переступил и в родной деревне.

На несколько мгновений охотник остановился взглядом на Волке, отчего тот даже попятился, поджав хвост; затем пожал широкими плечами, встряхнулся всем телом, и снова расстворился в чаще. Пес на этот раз прыгнул вслед ему не так стремительно...

У крайнего дома деревни – немного отступив от леса – стояло огромное дерево, которое называли Ясенывым дубом. Маленький же род Света, весь состоявший из жителей этой деревушки, называл себя родом Ясеня.

Остановившись ненадолго на опушке, охотник внимательно осмотрелся. Деревня словно вымерла; ни одно движение, ни один звук не нарушал тишину ясного солнечного дня. И это еще больше раздувало тревожный огонек в душе охотника. Свет закрыл на мгновение глаза, сделал глубокий вдох и начал движение. Поначалу оно было плавным, но медленным; так течет на равнине река – не заметишь течения, пока не бросить в воду щепку. Так же плавно бег ускорился. Он был отработан с учителем бесчисленными упорными тренировками, преследовавшими одну цель – научиться оставаться незамеченным даже на открытом пространстве – если только, конечно, посторонний глаз не успевал зацепиться за самый первый шаг. И тренировки эти не прекратились, даже когда сам учитель стал попадать впросак от внезапного появления рядом талантливого ученика.

Впрочем, если кто и успел бы сейчас взглядом за стремительной фигурой охотника, он бы скорее всего не поверил собственным глазам. Потому что набравший огромную, недостижимую обычному человеку скорость, Свет невероятно быстро приближался к неохватному стволу дуба, не сворачивая, и не стараясь затормозить.

Дуб – настоящий великан в четыре обхвата – ровный, без единого сучка на восемь саженей, уже готов был снисходительно вздрогнуть от удара тела, несопоставимого с собственным, когда Свет невероятным образом откинул назад верхнюю часть тела, ускорив и без того стремительный бег. Казалось, ногам молодого охотника было все равно, по какой поверхности бежать. Не замедляя шага, охотник промчался по стволу дуба так же легко, как по тропе; ухватился за нижнюю ветвь и через мгновение скрылся в густой кроне.

С высоты древесного исполина деревня была как на ладони. Свет мог сейчас заглянуть в каждый двор. И заглядывал – отмечая много такого, чего не должно было происходить в разгар летнего дня. Ни одного человека на единственной улице, ни одного звука из закрытых скотных дворов.

– Ну ладно, – пробормотал он, – коровы и козы на выпасе. А где куры, где петух тетки Баси, который всегда мечется меж домами в поисках соперника. Где, наконец, дети?

В такой жаркий день берег Русинки, у излучины которого находилась деревня, и который прекрасно был виден с высоты, обычно был полон мальчишек и девчонок – крикливых и звонких. А еще собаки – у каждого парнишки был собственный пес – ими гордились, считали членами семьи. Сейчас же и заросший жесткой дерниной берег, и песчаный пляж были пусты.

Свет вернулся взглядом к домам. Ему стали попадаться умело замаскированные, но так до конца не скрытые – особенно для взгляда сверху – следы недавней схватки. Стрела, вонзившаяся в покатуку крышу одного из домов, видная только сверху; плетень, недавно сорванный

с места сильным ударом, теперь приставленный к столбам, и подвязанный обычной веревкой, но чужим, никогда не виданным раньше узлом.

Эти, и другие мелочи может не бросились бы в глаза, если бы охотник не искал их специально. А вот и поинтереснее – он вдруг заметил движение в одном из дворов. В тени плетня, невидимый с улицы, но различимый сверху, схоронился человек – воин, подобный тем, что остались у лесной засады. Сколько их было тут? Разглядеть сверху – даже такому опытному следопыту и зверолову, как Свет – было нелегко. Практически невозможно – как не старайся.

– А выманить смогу, – недобро усмехнулся парень, к которому пришла уверенность, что ждут именно его, – что ж, попробуйте взять.

Он снял и закрепил в ветвях оружие – лук; колчан, полный стрел, тоже сработанных собственными руками; длинный нож и охотничий топор. Лишь странные звездообразные тонкие диски бритвенной остроты, которые учитель называл молниями Дао, остались с ним, невидимые врагу. Да сам он – живое боевое оружие, готовое к встрече с врагом.

Бесшумно скользнув по стволу вниз, Свет больше не скрывался; оторвавшись от теплой коры дуба на несколько шагов, он громко крикнул:

– Эй, есть кто живой?

Он старался казаться растерянным, даже испуганным. Появившись на виду у скрывавшихся врагов – без оружия, в длинной деревенской рубахе навыпуск, в которой так неудобно вроде бы двигаться даже в обычной деревенской потасовке – он надеялся выманить врагов. Может, даже сразу всех. Хоть и вызывал невольное уважение широким разворотом плеч и тугими узлами эластичных мышц, проглядывающих в низком вырезе рубашки.

Потому тот, кто первым вышел навстречу охотнику, держал наготове оружие. Опустив почти к самой земле острие богато украшенной сабли, к Свету шел коренастый широкоплечий здоровяк, заросший до самых глаз густой черной бородой. Остановившись в пяти-шести шагах от охотника, чернобородый выкрикнул несколько коротких слов. Из дворов неспешно, так же нацелив оружие, вышли еще двенадцать воинов. Они неторопливо окружили охотника широким полукругом. По краям этой живой дуги расположились по два арбалетчика, нацелившие острые жала болтов прямо в грудь парню. Остальные подобно чернобородому держали наготове кривые сабли. Впрочем, арбалеты были и у них – за плечами, не снаряженные.

Чернобородый с любопытством оглядел охотника; видно было, что он никуда не спешит. И от этой мысли в груди охотника опять зануло. А главарь незнакомцев взгляделся в лицо Света – слово огладил липким взглядом густые светлые волосы, собранные сейчас сзади в хвост, высокий лоб. Спустился ниже – к переносице, которую только недавно разделила надвое глубокая морщина; остановился взглядом на глазах. Он, наверное, видел в жизни немало голубоглазых блондинов; знал, что за каким-то порогом такие глаза становятся не просто голубыми, а блеклыми. Но вот в этих была глубина летнего неба, которая может выцвести только вместе со всем миром; какой-то огонь, подобный солнечному, который вдруг расцвел, налился такой силой и ненавистью, что чернобородый невольно вздрогнул. А еще в этих глазах напротив недавно поселилась печаль; сквозь нее воин разглядел глубоко скрытую усмешку, означавшую... Он даже махнул невооруженной рукой перед собственным лицом, словно прогоняя наваждение. И ему очевидно, удалось убедить себя, что этот светловолосый парень, что бы о нем ни говорили соплеменники, не выстоит даже против него одного, вооруженного верным клинком, а что уж говорить о тринадцати.

Мысль о тех двух, мимо которых парень никак не мог пройти незаметно, пока не пришла в его голову, и Свет поспешил:

– Кто вы, – по-дугански в который раз за сегодняшний день спросил охотник, – что вы здесь делаете?.. И где мой род?..

Стоявший позади предводителя воин с лицом, которому выбитый в недавней схватке глаз придавал совершенно разбойничий вид, вдруг засмеялся:

– Род?! Нет больше твоего рода!..

Чернобородый поднял руку, останавливая его.

– Зачем? Что вам сделали мои родичи? Что вы хотели найти у нас?! – Свет старался имитировать неподдельное отчаяние – точнее скрыть за ним разрастающийся в груди гнев. Отчаяние имитировать не требовалось – оно уже родилось в душе, и укрепилось после слов одноглазого разбойника. Но сейчас Свет помнил о главной цели безумной вылазки. Он мог, не рискуя особо, перебить этих нелюдей из засады – и даже вот так, не прячась. Но кто ответит ему, зачем они появились здесь, и какой страшному богу понадобились человеческие жертвы. Только так – внешне безоружный и отчаявшийся – он мог получить хоть один ответ на бесчисленное множество вопросов. Получить правдивый вопрос. И он не ошибся.

– Тебя зовут Святослав? – скорее просто уточнил, чем спросил чернобородый командир отряда; отвечая на немой вопрос охотника, он криво усмехнулся, – все матери любят своих детей. Первая же рассказала о тебе. За это она получила легкую смерть для себя и своего сына... Все они получили смерть... Я не люблю убивать женщин и детей... Но на то была воля великого бога (здесь взоры его подчиненных устремились к небу) и приказ его наместника в этом мире – нашего Повелителя.

Все головы дружно дернулись книзу. Чернобородый тоже склонился, опустив глаза, но Свет успел прочесть в них неприкрытый страх. А враг продолжил, уже не глядя в глаза охотника:

– Ваш род должен быть искоренен. Ты – последний!

Он шагнул к молодому охотнику, поднимая саблю.

Свет, протянув вперед руку, словно защищаясь от острого лезвия, воскликнул:

– Последний вопрос, о воин!

– Говори!

– Переведи мне, – Свет на мгновение замешкался, а потом бросил в лицо врагу резкие слова, которые он слышал от чужака, нашедшего смерть в лесу.

Великолепная память не подвела его – эти слова, а особенно точно воспроизведенная интонация – заставила чернобородого отшатнуться.

– Умри во имя Повелителя Узоха, – выкрикнул он так же страшно, как прежде Большой, и... спохватился. Понимание стало медленно проявляться в его лице. Он даже обернулся, словно решив еще раз пересчитать свой поредевший отряд. Двух бандитов, отправленных в засаду, не было, хотя сигнал, поданный им раньше, означал общий сбор.

Его рука с саблей взметнулась вверх в замахе, но это было последним осознанным движением опытного воина. Свет плавным, но незамеченным противником рывком ушел в сторону от сабли, шагнув вперед, и уже за спиной чернобородого нанес ему удар кулаком в шею.

Показывая ему такой удар в первый раз, учитель лукаво сказал: «Дробим камень». Шейные позвонки чернобородого были не каменными, но и они сейчас оказались раздробленными, как если бы к ним с размаху приложился огромный валун. Голова командира бандитов даже не дернулась – столь мгновенным было действие удара. Спустя некоторое время она все же начала заваливаться назад, в то время как сам чернобородый падал вперед, опуская руку с саблей.

Падение это еще не завершилось, когда сабля, оказавшаяся в руке Света, тонко пропела. Почти не задерживаясь (превосходная сталь!) – лишь изменив звук на более вязкий, чавкающий – она отделила голову стоявшего слева от предводителя бандита от его тела; на противоходе повторила то же самое с его соседом.

Увлекаемый, казалось, нечеловеческой силой, кривой клинок развернулся, подался чуть назад и устремился в живот одноглазого. Последний, выпучив в страхе и изумлении единственный глаз, начал вытаскивать собственную саблю из ножен, но не успел. Острое лезвие прошло тело насквозь, по пути легко разрезая и плоть, и саму нить жизни, и наткнулась на арба-

лет за спиной одноглазого. Здесь клинок, рассчитанный – в отличие от меча – на рубящий, а не колющий удар, издал последний резкий стон и переломился у рукояти – настолько силен был этот удар.

Время – густое, застывшее – снова потекло в обычном ритме. Резко выкрикнул что-то, выхватывая саблю, один из пятерки бандитов, вооруженных сейчас клинками. Эти стояли подальше от уже мертвых сотоварищей. Еще дальше целили небрежно свои арбалеты четыре бандита. Они первыми и вступили в этот, только что казавшийся таким легким и предсказуемым, бой. Страшное в ближнем бою оружие вскинулось прикладами к плечам, и остроклювые болты вонзились в землю – в том самом месте, где только что недобро оскалился врагам охотник.

Сам он уже мягко перекатился из низкой стойки в сторону и, не вскакивая на ноги, метнул вперед молнии Дао, до сей поры мирно ждавшие своего часа за пазухой. Пятерка, рванувшаяся было вперед с саблями наголо, в ужасе остановилась. Арбалетчики, как по команде, выпустили свое оружие и дернулись руками у горлу. Арбалеты с тупым стуком упали на утоптанную землю – в то время, как меж пальцев их недавних владельцев быстрыми ручьями потекла густая кровь.

– Ну что ж, умрите во имя своего поганого Узоха, – проговорил последнее слово, словно выплюнув, Свет; руки его тем временем – внешне очень неторопливо – вынимали сейчас саблю из руки одноглазого, так и не успевшего до конца выдернуть ее из ножен.

Это имя словно придало и сил, и смелости врагам – и пятеро воинов молча ринулись ему навстречу. Чтобы снова остановиться при виде противника, словно одевшего стальную рубаху.

Прием, который применил Свет в этом бою, учитель называл Мельницей богов. Еще он уверял, что никому в подлунном мире он не подвластен. По крайней мере из ныне живущих. Противник, замороженный сплошным мельканием клинка (или клинков), не успевал отклониться, когда из этой стены, где стремительный плавный рисунок не ломался, вдруг вылетало острое лезвие, чтобы тут же вернуться на свое место, оставив на земле очередного пораженного врага. Свет отработывал этот прием с одним учителем, но и против пяти врагов он оказался очень даже эффективным.

Бандиты были опытными рубаками, однако почти мгновенно четверо из них лежали бездыханными на земле, готовыми рассказать об искусном мечнике своему богу, а пятый – самый малодушный – бросился бежать изо всех сил от страшного соперника, не выпуская, впрочем, из руки саблю.

До ближайшего дома он добежать не успел, потому что через невысокий плетень метнулась громадная серая тень. Острые зубы Волка сомкнулись на запястье труса; сабля со звоном упала на подвернувшийся камень, а сам он, сделав по инерции несколько шагов вместе с неподъемной ношей на руке, повалился на землю, закрыв лицо от грозного пса.

Свет подошел к последнему врагу и, посмотрев презрительно в его глаза, произнес въевшуюся в мозг фразу на чужом языке:

– Умри во имя Повелителя Узоха!

Тело врага обмякло, и молодой охотник остался один, не считая верного пса.

Он старался не думать о том, что сегодня впервые в жизни убил человека, даже многих – пусть врагов. Только теперь он понял, как прав был учитель, когда говорил, что зла в мире куда больше, чем добра. А ноги сам несли парня туда, где он надеялся найти хоть одного живого сородича. В то же время он с отчаянием понимал, что одноглазый сказал правду...

Глава 2. Талисман

Свет нашел сородичей в Большом доме. Дом стоял у самой реки и служил местом, где при необходимости могла собраться вся деревня. Здесь отмечали все праздники, которых, впрочем, было не так много. А уж у самого Света...

Большой дом не отапливался, не имел за ненадобностью подпола; больше того – из за весенних половодий был поднят над землей на толстенных столбах из мореного дуба, не знавшего гнили. Родичи лежали здесь все, уложенные рядами на полу и широких лавках. Именно уложенные, а не брошенные.

– Я не воюю с женщинами и людьми, – горько вспомнил охотник слова чернобородого.

Свет медленно обошел комнату вдоль ряда сородичей; прошел во вторую – меньшую. Здесь, в комнате Совета, стояло большое деревянное кресло, помнящее, как говорили, самого Ясеня. Теперь же в нем обычно сидел глава рода, обездвиженный уже несколько лет Радогор. Свету он приходился родным дядей, старшим братом отца. А еще – приемным родителем.

Радогор и сейчас сидел в кресле, пригвожденный к высокой спинке четырьмя болтами. Пятый – с погнутым жалом – лежал у него на коленях. На груди главы тускло мерцал талисман рода – большой медальон неизвестного металла с изображением солнца на лицевой стороне. Что было изображено на другой стороне, не знал никто; кроме самого Радогора, естественно. Это всегда интересовало парня, особенно с недавних пор – когда при виде его Радогор стал непроизвольно подносить руку к шее, на которой всегда висел талисман.

Сородичи называли его талисманом Ясеня и верили, что медальон обладает магической силой.

Внезапно Свет понял, точнее ощутил, что Радогора еще не коснулась тень смерти! Что четыре удара, каждый из которых был смертельным, не довели дело до конца. Радогор открыл вдруг глаза; по губам его скользнула тень улыбки.

– Дядя! – Свет бросился к нему, опускаясь на колени и оказываясь вровень с сидевшим стариком.

Не закрывая глаз – словно боясь, что не сумеет снова их открыть, Радогор очень тихо, почти беззвучно; но очень отчетливо – выделяя каждое слово – заговорил:

– Дождался... Талисман... Возьми...

Радогор замолчал, видимо собираясь с силами. Он словно понял колебания племянника, потому что заговорил уже без пауз – горячо и на удивление громко:

– Возьми талисман у живого. В нем сила Рода...

Свет, повинувшись горящему взгляду старика, осторожно снял с главы талисман, и уже без колебаний одел его себе на шею. Радогор проводил взглядом святыню. Казалось, он завершил главное дело своей жизни, дождавшись родича.

Охотник невольно прикоснулся снова к талисману. Он не знал, что его готов был сорвать с шеи старца одноглазый бандит, пустивший пятый болт в грудь Радогора. Грабителя остановил чернобородый, строго бросив:

– Повелитель велел убить всех. И только!..

Из тела Радогора медленно истекли последние капли жизни. Через силу улыбнувшись Свету, он стал медленно закрывать глаза. Затем черты его лица ожесточились и он бросил в лицо сородичу последнее слово:

– Отомсти!

И умер.

Потрясенный Свет коснулся лбом колен дяди и медленно поднялся. Он тихо произнес:

– Я отомщу, – и подняв лицо к высокому потолку, закричал, – я найду тебя, где бы ты не скрывался! Ты слышишь, Узох? Найду, и отомщу!

Далеко-далеко, в мертвой пустыне, за полмира от речки Русинки – от мертвой деревни и от Света – в своем мрачном замке священнодействовал Повелитель Узох. Подняв бронзовый нож, он готовился принести в жертву своему богу, в которого сам втайне не верил, чернокожего младенца. Невинный ребенок заворожено следил за бликами факелов на сверкающем лезвии ножа.

Рука Повелителя и мага начала опускаться, когда глухой грохот грома пришел с той стороны, куда больше года назад Узох отправил Чернобородого с полусотней лучших воинов. Затем ощутимый удар потряс черный монолит замка. Казалось, громадное здание готово сдвинуться с места, грозя похоронить Узоха вместе с тысячей преданных адептов жестокого бога.

Рука Повелителя невольно вздрогнула.

По рядам послушников, прежде безмолвным и недвижимым, пробежала дрожь. И это было самым страшным – если хоть один сейчас усомнится в силе бога или его благосклонности к Узоху... Если хоть один поднимется с колен...

Повелитель, смутившийся на мгновение, вдруг понял, что вера в великого бога и в него самого висит на волоске. Окрепшим голосом он закричал, перебивая в пространстве огромного зала и в умах адептов отзвуки грома:

– Великому богу угодна жертва.

В жуткой тишине бронзовый нож опустился вниз...

Между тем Свет, снова выйдя в большую комнату, медленно пошел вдоль скорбных рядов. Он прощался с ними, всматриваясь в каждое лицо, вспоминая с малых лет свою жизнь, бесчисленным множеством незримых нитей связанную с людьми, которые теперь лежали вокруг него.

Вот лежит жена Радогора – тетя Любаша, заменившая ему мать.

Мать, Светлана – тоненькая, ясноглазая как будущий сын – недолго прожила в замужестве. Почувствовав вскоре после свадьбы в себе маленький росточек новой жизни, она в радости не сразу заметила, как быстро начали таять ее силы. Чем больше рос под сарафаном живот Светлены, тем чаще она присаживалась передохнуть, стараясь незаметнее погладить, потереть под левой грудью.

Старая знахарка Ведотья, проходя мимо, не подавала виду, что лик смерти все отчетливее проглядывает в чертах Светлены. А помочь ничем не могла.

– Лишь бы родить успела, – горестно вздыхала она, понимая, что ни сил, ни знаний ее не хватит, чтобы спасти любимицу рода.

Словно злой рок простер свою руку над этой молодой женщиной, не свершившей за короткую жизнь ни одного злого поступка.

Светлена успела. Истаявшая, она лежала счастливая и усталая на широких полатях. Ей поднесли сына. Мальчик молчал, появившись на свет; молчал и сейчас, когда его разглядывали любящие глаза матери и тревожные очи отца, сидевшего по другую сторону ложа.

Мать погладила голову ребенка, заглянула в его голубые глаза.

– Светлый-пресветлый, – прошептала она чуть слышно. Лишь Иванко, муж, расслышал эти слова. Тут ее сердце, стукнув в последний раз, остановилось навсегда. Ребенка, не понимавшего еще ничего, пронзила страшная волна его дара. И в первый раз в своей жизни он закричал, выражая в крике – сам того не понимая – и боль утраты, и громкую просьбу не уходить, не оставлять его одного в этом большом мире.

Подбежавшие тут же бабки, да и отец тоже, смотрели сейчас лишь на него. И только когда ребенок замолчал, все вдруг поняли, что Светлана больше не дышит.

Теперь уже отец закричал – нет, скорее завыл, как загнанный, оставшийся без надежды спастись волк. И так был страшен этот полукрик-полувовай, что бабки не выдержали. Подхва-

тив на руки ребенка, они выскочили из горницы. Отец же, рухнув на колени, гулко стукнулся головой о деревянный край полатей и, не чувствуя боли, надолго замер.

К сородичам, сбежавшимся к избе охотника Иванки, он вышел через полчаса. Постаревший на добрый десяток лет, он обвел взглядом собравшихся; остановился на старшем брате, Радогоре:

– Ребенок?..

– У нас, с Любашей, – ответил тот.

Иванко понимающе кивнул. Тремя днями раньше Любаша, жена Радогора, родила четвертую уже дочь, и теперь могла позаботиться о племяннике.

Охотник повернулся к бабкам:

– Приберите ее... А сына зовут Светославом... Светом... Она назвала, – добавил Иванко.

Вечером он отправил в далекий путь жену, сам поднеся к погребальному костру факел. Затем, по обычаю рода, он тщательно собрал весь пепел, которого от огромного костра осталось на удивление мало и положил его в крохотную, специально сработанную для этого случая лодочку.

Охотник опустил лодку в Русинку, и река медленно подхватила ее течением. Притихшие родичи внимательно следили за ней. Достигнув середины реки, лодочка замедлила ход, а потом и вовсе остановилась, словно находилась не на стрежне, а у тихого берега. Вот она закружилась на месте, как в омуте и медленно затонула.

– Приняла, – выдохнула единой грудью толпа.

Иванко повернулся к родичам; остановился невидящим взглядом, словно говоря:

– Разве могла святая Русинка не принять чистую душу?..

Свет тряхнул головой, отгоняя тягостные воспоминания, идущие из детства, от рассказов доброй тетки Любаши. Теперь она лежала умиротворенная, без видимых ран, в окружении четырех уже взрослых дочерей и малолетних внуков.

Вот лежат молодые парни – друзья босоногого детства. По страшным ранам на их телах охотник видел, что они не стали безропотными жертвами для чернобородого и его подельников. Лежать бы Свету рядом, если бы...

Мысль его словно натолкнулась на глухую стену; она резко повернула в другом направлении: «Если бы он был в этот черный для рода день дома, может...». Он снова тряхнул тяжелой от горьких дум головой. Вспомнил слова учителя:

– Что толку жалеть о сделанном, и тем более о не содеянном, укоряя себя за ошибки. Нужно пойти и исправить их!

Охотник не мог вернуть к жизни сородичей, но отомстить за них, найти и покарать неведомого Узоха... Этому можно отдать и время и силы, и жизнь.

Свет не мог знать, что почти три дня воины, окружившие незаметно деревню, наблюдали за ней. Чернобородый хотел быть уверенным, что весь род на месте, что из возможных походов вернулись все охотники. Срок в три дня он установил для себя заранее, и был уверен, что весь род Ясеня, живущий своей, оторванной от остального мира жизнью, поляжет в битве в один день. Выучивший по велению своего Повелителя, и с его дьявольской помощью, язык людей Ясеня, чернобородый вожак все таки допросил первую попавшуюся ему на глаза молодуху. И был неприятно поражен, узнав о молодом охотнике. Понимая, что ни ему самому, ни его людям в дебрях, которые Свет знал лучше собственной избы, охотника ему не поймать, он устроил засаду.

Чернобородый не стал выяснять; так и не узнал, почему охотника так долго не было дома. Так совпало, что его головорезы только свернули с Большой реки в двух лодках, выгребая против медленного течения Русинки, когда Свет уже вышел ранним утром из деревни. Он шел с Волком к самым истокам Русинки, к границам земель рода. Туда, где ровно шесть лет назад, на глазах Света погиб Иванко – его отец.

После смерти жены постаревший охотник появлялся в деревне лишь для того, чтобы принести добычу. Он оставлял добытого оленя, или связку свежих невыделанных шкур в доме брата и долго сидел, глядя на сына – единственное, что осталось ему от Светлены. Затем, попарившись и отмывшись до скрипа, и переночевав в своем осиротевшем доме, Иванко снова уходил в лес с Серой – хитрой охотницей. Это была полусобака, полуволчица; и она тоже избегала человеческого общества.

Так прошло шесть лет.

Свет, первоначально болезненный, вскоре окреп; он сделал без отца первый шаг, сказал первое слово. Мальчику было хорошо в большой и дружной семье Радогора. Любаша не отличала его от собственных детей, звала сыном. А если и смахивала когда слезу со щеки – только когда была уверена, что Свет не видит этого.

Но все же мальчик несся изо всех сил, стоило только кому крикнуть: «Иванко пришел». Самым ярким воспоминанием его детства был горький смешанный запах лесных костров, пота, и звериных шкур, который исходил от отца. Свет прижимался что было сил к его широкой груди, зарываясь счастливым лицом в густую посеребренную бороду.

В один из таких дней Иванко, против обыкновения не ушедший поутру в лес, пришел в избу Радогора. Был он чистым, с постриженной коротко бородой, переодетый в деревенские одежды. Лишь Свет узнал сразу в переменившем обличье человеке отца. Он кинулся к нему. Любаша, медленно вставая из за стола, внезапно осознала, зачем пришел Иванко. Страшась разлуки с родным ей мальчиком, она тихо заплакала. Следом встал и Радогор. Девочки, сидевшие рядом, и ничего пока не понимавшие, тоже заревели – вслед за матерью.

Охотник, потоптавшись у порога, вдруг неуклюже – низко, до самого порога – поклонился родичам.

– Спасибо за сына, – глухо прогудел он, выпрямившись – и снова поклонился, еще ниже.

Свет, разом понявший все, метнулся к своему углу, стараясь захватить в руки все свое нехитрое имущество – одежду, деревянный меч, сработанный недавно отцом, другие игрушки.

– Куда ж ты его такого малого? – бросилась было к Иванко Любаша.

Радогор перехватил, придержал ее рукой:

– Куда? Домой! И не реви! – цыкнул он на жену, – вон ведь изба – рядом.

Девки за столом заревели еще громче. Свет, виновато оглянувшись на отца, подбежал, обнял Любашу, повиснув на шее.

Радогор, махнув рукой, вышел вслед за братом из избы. Они молча сидели на лавке, пока Любаша не вывела за руку собранного мальчика. Следом высыпали и ее дочки.

Иванко действительно жил по соседству. Радогор с женой и детьми проводили взглядами отца с сыном и, пряча друг от друга погрузневшие глаза, вошли в дом.

С этого дня для Света началась новая жизнь. Без детских игр, поначалу тяжелая; полная неведомых раньше забот. Зато сколько было радости и скрываемой тщательно гордости после разведенного в первый раз самостоятельно костра; после первой добытой собственными руками белки. И эти годы были самыми счастливыми в жизни Света – потому что каждое мгновение рядом был любящий отец.

Детство кончилось одним мгновеньем, когда рано утром следующего после прощания с домом Радогора дня Свет с отцом и Серой ушел на первую в своей жизни охоту. Иванко щадил ребенка, берег его пока небольшие силы, однако строго следил, чтобы Свет добросовестно выполнял порученную работу. Впрочем, мальчику в радость было трудиться рядом с отцом. Проявившийся рано характер маленького охотника не позволял ему ныть и плакать, хотя новые заботы навалились на его детские плечи тяжелым грузом.

Начав с небольшой вылазки в лес, Иванко с сыном с каждой охотой уходили все дальше и дальше – туда, где можно было добыть серьезную дичь. Иванко спешил передать сыну весь

свой богатый опыт охотника-зверовика. Он словно чувствовал близкую разлуку. Только не мог предсказать, насколько эта разлука станет страшной и безвозвратной.

К двенадцати годам Свет далеко обогнал сверстников и в росте, и в силе, и в твердости характера. В последнем Свет, пожалуй, превзошел и своих взрослых сородичей.

В то черное лето Иванко с сыном собрались в дальнюю охоту – на медведя, лесного хозяина.

Радогор, ставший к тому времени главой рода, внезапно обезножил. Ведотья, лечившая в деревне старых и малых, беспомощно качала головой. Но все же надеялась на какой-то древний родовой рецепт; на особую мазь. Для этого чудодейственного снадобья и нужен был медвежий жир. Но лесной хозяин давно уже не появлялся в окрестностях деревни. Знали, наверное, мишки, что теперь не один, а два знатных охотника встретят их в лесу.

Иванко знал, где можно было встретить лесного хозяина. Туда – к истокам Русинки – он и отправился вместе с сыном. Серая, последние дни донашивающая тяжелый живот, нагулянный неизвестно где и неизвестно когда, на этот раз лишь проводила до последнего дома деревни. И уже там завывала – горько и прощально – отчего наверно и высыпали на улицу многие родичи.

Но охотники уже не видели этого. Потрепав по очереди притихшую Серую за ухо, отец с сыном отправились в долгий поход. Ведь до границы земель рода – там, где начинала свой бег Русинка – было не меньше двух быстрых дневных переходов. Охотники не отвлекались на мелкую дичь – они искали задиры коры на деревьях. Причем такие, чтобы и достать до верхних можно было только в прыжке. Потому что для снадобья нужен был жир матерого зверя.

Следы зверя попались им уже в разгар третьего дня. И привели они охотников к большой ягодной поляне на берегу совсем узкой здесь речки. Медведь, казалось, ждал их для смертной битвы. Он сидел – совсем как человек – и горстями обирал на диво крупную здесь землянику.

Это был не первый бой Иванко с огромным зверем. Потому он, стиснув рукой плечо сына, оставил его у края поляны и пошел вперед один, освободившись от лишнего припаса и оставляя лишь острую рогатину и длинный прямой нож на поясе.

Свет уже знал, что стрелять из лука бесполезно, да и небезопасно. Пробить густую шерсть и толстый слой жира стрелой почти невозможно. Раненного же, рассвирепевшего зверя принять на рогатину во сто крат сложнее. Поэтому младший охотник мог только смотреть, как неспешно сближаются противники.

Подпустив охотника поближе, медведь, коротко рывкнув, вскочил на задние лапы, отчего еще больше стал напоминать огромного коротконового человека, и пошел на Иванко. Он словно встречал на этой поляне близкого, давно не виданного родича, навстречу которому распахнул свои объятия. Свет в то мгновение весь покрылся холодным потом, представив, как сжимаются в смертельном объятии эти длинные лапы, оканчивающиеся длинными и острыми когтями. Нет, парень не боялся – он переживал сейчас за отца, который бесстрашно шагнул навстречу зверю.

Вот он остановился и направил в грудь зверя рогатину. Нижний края крепкого древка, сработанного из остролиста, надежно уперся в землю. Наткнувшись на острия, медведь словно в раздумьях замер. Иванко махнул рукой перед его мордой, дразня зверя, и снова ухватился понадежней за оружие.

Медведь, свирепея, навалился на рогатину, принимая ее в грудь. Он словно еще сильнее тщился обнять сейчас «родственника», размахивая грозными лапами. Однако опыта Иванко – и в самой охоте, и в мастерстве изготовления орудий для нее – хватало. Никогда еще оружие, сработанное охотником, не подводило его. Вот и теперь рогатина казалось надежно удерживала зверя на безопасном расстоянии. Руки Иванко дрожали от напряжения; тело словно вросло ногами в землю, позволяя лесному хозяину приблизиться лишь настолько, насколько уходили в его грудь деревянные острия.

С сухим треском вдруг переломился надежнейший, отобранный Иванко из многих сотен, а может, и тысяч, ствол остролиста. Обломленный в двух локтях от земли, он остался торчать в ней, по прежнему нацеленный в зверя теперь уже одним, не менее острым сколом. Длинный двурогий конец медведь с ревом выдернул из раны и отбросил в сторону.

Иванко, как знал его сын, уже бывал однажды в такой переделке. И вышел в прошлый раз из нее победителем. И теперь он тоже не растерялся. Двумя быстрыми шагами преодолев расстояние, отделявшее его от грозно ревушего зверя, охотник резким ударом достал сердце медведя ножом, который, казалось, сам прыгнул ему в руку. Умиравший зверь все таки успел обнять охотника, к чему стремился с самого начала битвы, и увлек его, падая на землю, вчетверо большим весом.

Спину охотника встретила не трава, уже выбитая поединщиками, а острый скол рога-тины. Свет потом часто просыпался в испарине, снова и снова слыша этот страшный звук – треск разрываемой острым деревом плоти отца.

Лесной хозяин не успел еще придавить Иванко к земле, а молодой охотник бросился на середину поляны. Ужасные лапы хищника дергались, захватывая, выдергивая траву целыми горстями; боронили землю острыми когтями. Однако сын бесстрашно шагнул вперед; он ухватился за руку отца – единственное, что виднелось из под громадной туши. Пальцы Иванко с силой стиснули ладонь сына, чтобы через краткое мгновение ослабнув, отпустить ее.

По телу медведя пробежала судорога, и он, в последний раз дернувшись, замер. В это мгновенье тело Света пронзила сила, пока непонятная ему самому; единственное, что не вызвало сейчас сомнения у отчаявшегося парня – Иванко тоже покинула жизнь. Свет упал было в рыданиях на мохнатую тушу медведя, но тут же вскочил, ухватившись уже в эти жесткие, дурно пахнувшие космы, чтобы сдвинуть добычу с тела отца. И так велика была сила отчаяния молодого охотника, что огромная туша, казалось, сдвинулась немного с места.

Увы – сдернуть ее совсем не хватило бы сил не только у парня, но и у взрослого охотника – настолько громадный зверь сейчас лежал перед Светом. К тому же он (понял молодой охотник) был связан сейчас – через Иванко и острый кол, пронзивший его – с землей.

Осознав это, Свет с прежним отчаянием в глазах, но гораздо более решительным выражением лица бросился назад – туда, где лежали и отцовы, и его собственные припасы. Он вернулся с охотничьим топором и принялся с яростной энергией делать то, что было подвластно двенадцатилетнему охотнику – разделять огромного зверя вместе с шкурой. Отваливая без трепета в сторону дымящиеся куски мяса, без брезгливости отваливая туда же склизкие внутренности, исходящие противным духом, он скоро освободил отца. С залитой медвежьей кровью одеждой, но чистым, разглаженным смертью лицом, он казалось безмолвно прощался с миром – с сыном, с высоким небом, с малой речкой Русинкой, которую здесь можно было перейти в три больших шага.

Свет просидел рядом с телом отца всю ночь. Яркая луна позволяла отгонять от его лица мух и комаров, которые конечно же не могли причинить вреда мертвому, но больно ранили в сердце живого сына. К утру Свет знал, что он будет делать. Он не мог отнести тело в деревню, до которой было около трех дней ходу налегке; не мог и оставить его здесь на растерзание диким зверям, отправившись за помощью. Поэтому скорбный ритуал, который сопровождал уход сородичей в иной мир, Свет решил провести здесь.

С первыми лучами солнца молодой охотник начал собирать сухой валежник и сносить его к берегу Русинки. Солнце достигло высшей точки в небе и, казалось, остановилось. Так же остановилось и время для Света, следящего, как набирает силу погребальный огонь. В последний раз он смог продемонстрировать отцу, как быстро и умело может разводить костер.

К вечеру тихие воды Русинки приняли то, что осталось от Иванко.

А через три дня Свет стоял перед Радогором, сидящим в старинном кресле и протягивал вперед котомку, набитую звериным жиром. Стоящая рядом Любаша пригласила его в избу,

но охотник молча поклонился ей, повернулся и пошел в свой дом. Там он и стал жить один, с Серой и родившимся в этот день крупным, невиданным здесь прежде щенком.

Свет назвал его Волком.

Глава 3. Учитель

Свет в последний раз окинул взглядом сородичей, прощаясь с ними. Он низко поклонился от порога и вышел, решительно затворив за собой дверь.

Остаток дня и весь вечер охотник провел в однообразной, занимающей руки, но не мысли, работе. Последний в роду, он должен был позаботиться о мертвых, достойно отправив их в последний путь. Свет решил устроить погребальный костер из Большого дома. Легко поднимая огромные вязанки сухих дров, Свет методически опустошал одну поленницу за другой. Дров было много – у каждого дома хранился, и постоянно пополнялся их запас.

Оставляя место для доступа воздуха, Свет заложил дровами все пространство между сваями, несущими дом; затем начал укладывать их вдоль стен. В последний раз он мог показать сородичам свое умение охотника-лесовика, искусно раскладывающего костер в любом месте и в любую погоду.

Заглянув невольно в один из дворов, Свет понял, почему в деревне стояла неестественная тишина. Вся живность, которая могла подать знак охотнику, была варварски перебитая. Он воочию увидел и услышал, как не дождавшиеся в урочный час ласковых рук доярок коровы и козы начали мычать и блеять, и как к ним присоединились остальные – и прежде всего собаки. Все они пошли под ножи и под сабли. Собаки лежали вместе – в одном доме, рядом с которым, скорее всего и приняли неравный бой вместе с хозяевами. Не раздумывая, Свет подхватил тело первого пса, и не остановился, пока все они не заняли свои места рядом с людьми – на широкой веранде Большого дома.

В следующем доме он нашел захватчиков. Оглядев их с порога, он вышел, захлопнув дверь – продолжать свое скорбное дело.

Лишь поздним вечером поленница, опоясавшая дом, выросла до крыши. Уложив последнее полено, Свет решил, что не сможет отправить в последний путь сородичей, пока земля рода не очищена от скверны. Понимая, что попасть сюда захватчики могли лишь по Русинке, он окликнул Волка и отправился вниз по течению реки.

Искусно замаскированные лодки ждали его без всякой охраны в двух верстах от деревни. Отвязав большую из них и отдав ее воле течения, Свет с немалым трудом перегнал меньшую к деревенскому причалу. Если бы не слабое течение Русинки, даже его стальные мускулы не справились бы с парой весел – ведь раньше ее двигали вперед восемь таких пар.

Затем охотник, не выказывавший усталости весь длинный летний день и вот уже половину короткой ночи, перетаскал в лодку тела разбойников. Последним, накрыв своим телом подельников, лег атаман. К звездному небу устремились и черная борода, и незрячие глаза.

– Не твоя это земля, не твоя река, не твое и небо со звездами, – почему-то прошептал, хотя никто не мог его слышать в ночной тишине, Свет, отталкивая тяжело груженую лодку от берега.

Она грузно развернулась и медленно растворилась в темноте.

Остаток ночи Свет провел в родном доме, твердо решив, что назавтра покинет его – может быть навсегда. Здесь он прожил с отцом шесть счастливых лет; здесь долгими вечерами делился с ним мудростью учитель. Сквозь дрему охотник вспоминал эти годы, свою первую встречу с этим удивительным человеком...

Свет встретил человека, которого впоследствии назвал своим учителем, ровно через год после смерти отца. Гибель Иванко он пережил тяжело, но – один, хотя и не стал нелюдимым. Он по-прежнему много охотился; был добычливым и каждый раз с радостью возвращался домой.

С первой же своей самостоятельной охоты он принес двух ланей. Неся их на своих еще не окрепших, но уже широких плечах, молодой охотник, выказывая характер, не остановился

до самого Большого дома. Там, где столпились мужики с Радогором во главе. Здесь он и сбросил добычу с плеч и так же, как совсем недавно отец, бросил дяде, сидящему на крыльце;

– Принимай, Радогор.

И дядька, пряча в усах и бороде любовь и гордость за приемного сына, а где-то в глубине и добрую усмешку, обсуждал с ним охоту; хвалил добычу.

С тех пор Свет стал главным добытчиком рода – ведь все меньше родичей, привязанных заботами к земле, доставали из запасников луки со стрелами и другой охотничий припас.

Тем летом, в большой праздник рода, когда на полях и огородах все уже было посеяно и посажено; ухожено и пошло в рост, Свет даже принял участие в соревновании деревенских силачей, впервые поставив себя в круг взрослых. Неведомая сила подняла его с места, когда Кудлат – двадцатилетний детина с широченными плечами и пудовыми кулаками – обходил с молодецким видом круг родичей, с усмешкой поглядывая на поверженных раньше соперников. Уже три праздника Кудлат уходил победителем; теперь же только усмехнулся, увидев малолетнего поединщика.

Это была необычная пара – огромный, заросший светлыми волосами, мускулами, а кое где и жиром Кудлат и крепкий не по годам, но все равно вдвое меньший своего соперника Свет.

Старший поединщик, широко разведя руки и улыбаясь, пошел не охотника, словно желая обнять, прижать к груди родича. Свет ждал соперника, стоя на месте, в середине круга, образованного зрителями. Он не пытался избежать медвежьих объятий Кудлата. Напротив – в последний момент сам шагнул навстречу ему. Однако руки здоровяка не встретили ничего, кроме воздуха. Молодой охотник, стремительно поднырнув под его руки, проскользнул впритирку к обнаженному торсу великана и через мгновение был за его спиной. Затем, так же резко нырнув вниз, он ухватился за толстые лодыжки Кудлата и дернул их кверху.

Кудлат, который в это время продолжал обнимать пустоту, наклонившись далеко вперед, грохнулся на землю, не успев отвернуть лица от жесткой дернины. В следующее мгновение его правая рука потянулась назад, чтобы смахнуть, словно муху, охотника, который уже сидел на его спине. Свет, казалось, только этого и ждал. Он схватил Кудлата за запястье и, продолжая движение руки соперника, завел ее до затылка. Второй рукой Свет сильно прижал его заломленный локоть к спине.

Огромный парень еще попытался сопротивляться, скинуть охотника со спины, но жесткая, хоть еще и маленькая ладонь прижала локоть к лопатке соперника еще сильнее, и Кудлат взвыл от нестерпимой боли.

Так закончился этот поединок. Кудлат – скорее удивленный, чем огорченный – ушел, пожимая плечами, а Свет в неполные тринадцать лет был признан сильнейшим в роду.

А через несколько дней он в сопровождении Серой и переросшего ее за год Волка подошел к Радогору необычайно серьезный и сказал:

– Скоро не ждите.

– Далеко ли собрался? – поинтересовался дядя.

– К отцу... Через три дня будет год...

– Может, возьмешь кого с собой?

– Не надо, – отказался охотник, – дорогу помню.

Через три дня – ровно через год, начиная от последней охоты Иванко – он снова стоял на краю поляны. И снова перед его взором разворачивалась картина битвы, оставившей его сиротой. От тягостных воспоминаний Света оторвал залихватистый лай Серой и присоединившегося к ней Волка.

Они, наскакывая на самый берег Русинки и возвращаясь обратно к хозяину, не зло, но предостерегающе облаивали незнакомца, лежащего за речкой. Руками тот обхватывал нетолстую березку, а затухающий взор, как показалось молодому охотнику, был полон мольбы и отчаяния.

Преодолев в три шага студеные воды Русинки, Свет склонился над телом. Тот уже не глядел на охотника; лишь сквозь плотно сжатые веки медленно просочились две слезинки. Еще не дотронувшись до незнакомца, Свет понял, что смерть еще не взяла к себе человека, но уже готова сделать это.

Юному охотнику не удалось развести в стороны руки незнакомца, который словно обрел в березке последнюю надежду – так судорожно вцепился он в тоненький ствол. Пришлось Свету возвращаться на свой берег – бегом, потому что неведомым чувством он отсчитывал последние мгновения жизни этого некрупного человека – за топором.

Четыре взмаха руки – и вершинка летит в одну сторону, о подрубленный под корешок ствол остался в руках незнакомца. Так, с оставшимся в руках несчастного колом, Свет подхватил оказавшееся на удивление тяжелым тело за плечи и поволок его на другой берег Русинки.

Показалось ему, или нет, но где-то на середине неширокого русла сведенной судорогой тело расслабилось настолько, что парень едва не уронил незнакомца в поток. Однако успел – подхватил его так, что лишь намочил незнакомцу и штаны и голые, без всякой обуви, ноги сильнее, чем предполагал.

Положив незнакомца под густым тенистым кустом, молодой охотник наконец разглядел его. Он поразился никогда не виданным чертам лица. Прежде всего цвету – желтому, словно тот недавно переболел болотной заразой, переносимой комарами; широкому круглому лицу, напоминавшему полную луну; маленькому приплюснутому носику... Наконец узким, словно всегда прищуренным глазам – острым и пронзительным – которые вдруг распахнулись.

Незнакомец словно не лежал только что практически бездыханным. Он резко сел, подтянув ноги под себя. Бросив на охотника быстрый оценивающий взгляд, он проговорил несколько незнакомых слов.

Свет, не понявший ничего, тем не менее ответил:

– Меня зовут Свет из рода Ясеня. Ты лежал там, – он ткнул рукой за спину, в сторону реки.

Незнакомец посмотрел на березовый кол в руках, аккуратно отложил его в сторону и сказал с заметным акцентом, тщательно выговаривая слова:

– Можешь звать меня мастером Ли, Свет из рода Ясеня, – он встал, – это ты принес меня сюда?

Свет утвердительно кивнул.

Мастер Ли удивленно огляделся кругом и поклонился Свету невиданным изящным поклоном.

– Сегодня ты спас меня от смерти более страшной, чем можешь себе представить. Я твой должник.

Свет, привыкший говорить со взрослыми на равных, тем не менее смутился. Он отвернулся, отыскивая взглядом собак. Обе сидели рядом – позади хозяина – и тоже разглядывали мастера. Щенок, давно обогнавший ростом мать, глядел, склонив на бок клыкастую морду, словно прислушивался к разговору. Мастер Ли так же изумленно и заинтересованно оглядел пса.

– Твой пес станет могучим бойцом, – он шагнул к Волку и потрепал его за ухом, – никогда не думал, что увижу когда-то настоящего охотника на тигров.

– На тигров? – изумился не меньше мастера Свет.

Изумился не только этому известию – ведь о страшных полосатых зверях он слышал только в сказках – но и тому, с каким удовольствием подставил свою шею для ласки Волк чужому человеку. А ведь раньше он не позволял такое никому, кроме хозяина.

– Ты смелый человек, мастер Ли, – почему-то одобрительно кивнул Свет, – давно никто не подходил к Волку так бесстрашно, как ты.

Пес, добродушно распахнув широченную, в отличие от узких волчьих, как у матери и других деревенских псов, пасть, даже завиллял хвостом.

– Я люблю собак, – просто ответил мастер, – и они меня любят.

Вскоре оба сидели у костра, подогревая жареный бок оленя, неосмотрительно подпустившего вчера охотника на выстрел из лука. Свет, глядя в яркое пламя, разгоняющее сумрак, внезапно рассказал мастеру Ли, почему он оказался здесь один, вдали от родной деревни.

Мастер молча слушал, понимая, что его слова не утешат; что юноша говорит скорее для себя, чем для собеседника. Но ни одна слезинка не стекла из глаз парня; лицо его – и так выглядевшее намного старше, чем можно было ожидать в тринадцатилетнем возрасте – сейчас, в отблесках костра, было словно высечено из камня.

Почти без слов они устроились на ночь и оба долго не могли уснуть, думая каждый о своем.

Наутро, уже в пути, мастер Ли спросил:

– Сможет ли род Ясеня принять меня.

Свет покачал головой:

– В деревне приветят путника, – затем добавил, – ненадолго... Тебе придется покинуть земли рода. Таковы заповеди Ясеня.

Мастер Ли не стал спрашивать, кто такой Ясень. Черты лица через несколько шагов молчания вдруг исказились, и он дрогнувшим голосом сказал:

– Тогда я умру.

Свет не понял почему, но сразу поверил, вспомнив его лежащим на берегу Русинки.

– Я уговорю Радогора, – с жаром воскликнул он, и тут же ответил на молчаливый вопрос мастера, – это глава рода, мой дядя. Я уговорю его!

– Мой долг перед тобой утроится, – мастер Ли прижал руку к груди.

Свет тоже поднял руку, словно отказываясь от тяжкого груза признательности.

– Хочешь, – продолжил мастер, – я сделаю тебя мастером боя? Самым сильным, быстрым и умелым?

– Я и так самый сильный в роду, – гордо прервал его Свет; и тут же отвел взгляд, удивившись.

Мастер лукаво усмехнулся:

– Что ж, попробуй повторить.

Он оглядел стоящие рядом деревья, выбрал одно, толщиной не меньше, чем внушительный кулак Света, и взмахнул рукой. Плавное движение ладони не задержал ствол дерева; лишь преодолев эту преграду, мастер остановил взмах.

Свет тряхнул головой, понимая, что подобное невозможно. Однако дерево, которое не каждый срубил бы ударом топора, вдруг завалилось набок, обнажая ровный срез – или скол – не смог сразу подобрать охотник название творению голой человеческой ладони.

Мастер Ли, словно не замечая замешательства Света, снова огляделся; выбрал теперь высокую ровную сосну. Он медленно, словно нехотя, направил свой бег к ней. Неторопливо, с кошачьей грацией, он подбежал к дереву, и так же, как кошка, продолжил свой бег уже по вертикальной поверхности. Казалось, что земля отпустила мастера, не тянет его к себе, как любого другого.

Добравшись до нижней ветки, на высоте никак не меньше пяти саженей, мастер на мгновение повис на ней, затем бесстрашно отпустил руки; мягко приземлился, сделав кувырок вперед и остановился, теперь улыбнувшись Свету. Подмигнув ошеломленному охотнику, мастер плавно побежал по поляне. Резко ускорив движение, он вдруг... исчез – как раз по центру прогалины. А ведь рядом не было не то что дерева – даже самого маленького кустика! Свет резко дернул головой, пытаясь продолжить движение мастера, и обнаружить его впереди. Тщетно!

Возникнув вдруг из небытия за спиной охотника, мастер Ли хлопнул несильно юного товарища по плечу. Свет вздрогнул, резко поворачиваясь. Он растерянно улыбался, сразу восприняв увиденное не как чудо или балаганный фокус, но как воплощение реальных, практически безграничных возможностей человека. Полученных не благодаря капризу природы, а годами и годами тяжких тренировок.

– Ты научился этому? – все таки спросил он.

– Да, – коротко ответил мастер Ли.

– Ты научишь меня этому?

– Да, – повторил мастер, пряча улыбку.

Он не сказал охотнику, что его собственное обучение длилось долгих сорок лет. И не все они, особенно первые, были приятными...

Через три дня мастер Ли стоял перед Советом рода, ощущая спиной горячее дыхание юного охотника. Старейшие, переглядываясь, качали головой, выслушав просьбу о вступлении в род.

– Кто возьмет в мужья эту страхолюдину, – спрашивали они себя, оглядывая непривычное их взглядам лицо мастера.

Не был он и младенцем, которого, по заветам Ясеня, могла усыновить любая семья рода. Этим и заканчивались возможности вступления в маленький род. Радогор, с вечера выслушавший горячие просьбы племянника, лишь беспомощно пожал плечами. Он ничем не мог помочь племяннику.

Но юный охотник был не так прост. Он вдруг шагнул из-за спины мастера и повернулся к нему. Положил руку на голову человека гораздо ниже себя, но годящегося ему не то что в отцы, а в деды, и торжественно произнес:

– Объявляю тебя своим сыном, – и, с вызовом обернувшись на старейших, продолжил, – нарекаю тебя... Иванкой.

– Тебя бы самого еще усыновить, – выкрикнул вдруг из рядов сородичей, окруживших Совет, Кудлат.

Видимо в нем до сих пор дремала обида за проигранный поединок – вот она вырвалась; в самый неподходящий момент.

– Не тебе ли? – очень вовремя выкрикнул кто-то из той же толпы, и все дружно рассмеялись, очевидно тоже вспомнив поединок. Напряжение ощутило спало.

Совет, не нарушая заветов Ясеня, в которых ничего не говорилось ни о возрасте усыновляемого, ни тем более, его будущих родителей, принял мастера Ли в род.

С этого дня для Света началась удивительная, наполненная каждое мгновение, жизнь. Мастер Ли, с внутренней дрожью вспоминая свои первые, самые трудные годы обучения боевому мастерству, не переставал удивляться неистовой энергии молодого охотника. Свет впитывал знания быстрее, чем пересохшие пески пустыни благодатные капли дождя.

Собираясь первоначально передать Свету лишь внешние, самые эффектные приемы владения техникой Дао, он сам незаметно втянулся в процесс обучения.

Один из двенадцати Великих мастеров Дао, Ли смог добраться до вершин искусства, впитав за десятилетия огромные знания, веками копившиеся в Обители. Это было не только искусство побеждать силой и ловкостью, оставаясь самому невредимым. В подвалах древней Обители Дао можно найти свитки по всем областям знаний, ведомым человеку; труды лучших умов прошлого. Неведомыми путями они попадали в библиотеку Обители, равной которой не было в подлунном мире. Многие из них ни разу не были развернуты, пока до них не добрались жадные до нового руки мастера Ли.

А теперь этот водопад мудрости, спрессованный острым умом мастера в стремительный ручей действительно важных и полезных знаний и навыков, изливался на молодого охотника, впитываясь его разбуженным мозгом.

С первых же дней им стало тесно в рамках родного языка Света. Тогда, по ходу занятий, он с ошеломительной быстротой выучил дуганский язык. Но и его не стало хватать, когда мастер решил, наконец, рассказать о причинах своего бегства из Обители.

– Нас стало одиннадцать – Великих мастеров Дао – когда скончался мой старый учитель, – начал он глухим голосом, – войти в наш круг должен был мастер Иджомах, и никто не поднял голоса против него. Он был честен с собой и с нами, когда давал клятву хранить и укреплять традиции Дао. Уже почти двенадцать столетий стоит в горах Обитель, основанная первым мастером Дао. Начиная с его двенадцати учеников ни один Великий мастер не совершил поступка, повлекшего за собой ущерб Обители, не поплатившись за это жизнью. Впрочем, таких раньше не было.

Нет – мастер Иджомах не помышлял ничего во вред Обители. Напротив – он вознамерился усилить ее многократно. Я уже говорил о знаменитом поэте народов парсов – Фардосе, – напомнил он Свету, – великой силой обладал он, наделив ею свои стихи. Умирая, он оставил ее своему народу... И теперь эта сила воплощается в одной из Предводительниц кочевого племени парсов.

Мой бедный язык не в состоянии передать всей красоты его строк, но вот тебе краткий пересказ последней поэмы Фардоса: «... Придет крепкий телом и твердый духом человек и овладеет этой силой во благо других. Что сделает он – свершит ли подвиг, спасаю гордую деву парсов, или принесет ее в жертву, знает только небо...».

Мастер надолго замолчал; Свет не двигался, боясь спугнуть воспоминания старого бойца.

– Но, – поднял наконец кверху палец мастер Ли, – «... ничем не проявится сила эта в деве и найти ее – вот главная задача...».

– И.., – начал было Свет.

– И мастер Иджомах решил найти эту силу, дабы приумножить мощь Обители.

– Но ведь никто не знает, в чем заключена эта сила? – прервал его Свет.

– В чем, или в ком? – горько поправил его учитель, – что ж, Иджомах нашел выход. Он, конечно, не стал разъезжать по городам и весям, свершая подвиги во славу кочевниц. Но решил, что может обрести силу, принося их одну за другой в жертву во имя Обители.

Полилась большая кровь, ведь ни одно гордое племя не отдаст свою Повелительницу без боя. И льется до сих пор, если только Иджомах не добился своего.

– И ни один из двенадцати мастеров не воспротивился этому? – спросил молодой охотник, уже зная ответ.

– Увы, лишь мне одному показалась чрезмерной цена за обладание силой. Приговоренный кругом Двенадцати к смерти, я бежал. Благодарение небу, – он поднял голову кверху, – что успел добраться до земель твоего рода... Нашего рода, – поправился он, улыбувшись.

– Не знаю, какая сила хранит твой род – но она превзошла усилия одиннадцати великих, пытавшихся вернуть меня. Там, где ты подобрал меня, Свет, я бы умер... Или повернул назад – к более ужасной смерти.

Мастер Ли надолго замолчал.

– Расскажи мне о Фардосе, учитель, – прервал наконец молчание ученик, – неужели в словах может быть сила?

В этом Свет убедился сам, выучив под руководством мастера парсийский язык – еще быстрее, чем дуганский. Завороженный, слушал он наставника, переживая вместе с поэтом то яростный гнев, то безмерную печаль, то глубокую любовь, то обжигающую ненависть.

Учитель огорченно развел руками:

– Это все стихи Фардоса, которые я знаю. Слышал, что много их, не записанных, передают из племени в племя парсы. А может, сами сочиняют.

Как не велика была жажда знаний Света, все же больше он тяготел к боевым искусствам. Полностью отдаваясь тренировкам, он не раз удивлял учителя той скоростью, с которой при-

общался к мастерству Дао. Случалось, что и отвергал тот или иной прием, или изменял его, подгоняя под собственное тело и темперамент.

Так, скептически разбирая нарисованный учителем на куске бересты арбалет, Свет ткнул пальцем в зарядно-пусковое устройство оружия:

– Сколько времени пройдет, чтобы снарядить, прицелиться и выстрелить?

– Умелые стрелки за минуту могут сделать десять... даже пятнадцать выстрелов.

– А сколько это – минута, – спросил озадаченный Свет.

Учитель к тому времени еще не познакомил его с исчислением времени, принятом в более цивилизованном мире. Тонко чувствуя ритм времени, он медленно отсчитал минуту.

– Считаю снова, – попросил Свет, поправляя колчан со стрелами.

Затем, ухватившись привычно за изогнутый лук, наложил первую стрелу. Мастер еще не успел закончить счет, когда колчан опустел. Сорок идеально ровных, изготовленных самим охотником из побегов остролиста стрел, не издавших в полете даже намека на звук, сейчас дрожали в толстой березе – в полусотне шагов от них.

На дереве казалось мгновенно выросла идеально ровная вертикальная строчка оперенных веток, которые никак не желали успокаиваться. Учителю пришлось согласиться со Светом, что тому лучше оставить на вооружении лук. Однако про себя мастер подумал, что и с арбалетом ученик справился бы не менее впечатляюще.

Однако по-настоящему изумлен был мастер, когда они перешли к изучению фехтовального искусства. Взявший впервые в жизни в руки настоящий меч, Свет неожиданно провел прием, который, казалось мастеру, не знал ни один человек в подлунном мире, кроме него. Выудив его в древнем свитке, мастер Ли упорно тренировался в исполнении Мельнице богов – так назвал его неведомый автор старинного текста. Он так и не показал его никому, поскольку и сам не смог в совершенстве овладеть этой поистине несокрушимой, и не знающей преград манерой мечного боя. А может, он потому и не хотел никого знакомить с Мельницей, потому что знал, что против нее нет защиты?

Сейчас, пропустив выпад, пробивший его умелую защиту, мастер в изумлении замер. Ученик бросился к нему, досаду на себя за сильный удар, но учитель остановил его ладонью:

– Кто научил тебя этому?

– Никто, – пожал плечами Свет.

Мастер Ли напряг память, вспоминая имя легендарного героя из старинного списка.

– Имя Владимеж ничего тебе не говорит?

– Нет, – ответил Свет, – а кто это?

– Древний герой славянов. Воин, придумавший этот прием и единственный, кто владел им до меня... И до тебя, – учитель снова удивленно покачал головой, – кстати, в народе его называли Ясным Солнышком. Славный герой древности – сильный и красивый; светловолосый и голубоглазый...

Мастер с подозрением посмотрел на Света и рассказал ему удивительную историю, о которой за давностью лет мало кто помнил:

– Давно это было – почти семьсот лет прошло с тех пор. Страны и народы жили тогда по прихоти черного мага и колдуна Тораса. Много силы было у этого чародея; но еще больше властолюбия. Говорили, что он заключил договор с самыми ужасными порождениями тьмы, по которому в жертву приносились целые города и селения.

Ничто не могло остановить его до тех пор, пока войско не вторглось в пределы государства славянов. У стен столицы этого древнего народа – Зеленграда – встретились две рати. По обычаю того времени перед битвой сошлись их предводители.

Вид Тораса – черного лицом и одеждой, с одним лишь посохом в руках – бросал в дрожь не только самых отважных воинов Владимежа, но и его собственных подданных. Казалось,

сама природа помогала чародею. Небо заложило черными тучами, среди которых сверкали, дожидаясь своего часа в битве, ветвистые молнии.

И вдруг солнце на мгновение разорвало тяжелый покров неба и его яркий луч упал в то место, где застыл на коне князь Владимир. Тучи тут же заделали брешь в своих рядах, но солнечный луч, казалось, не исчез совсем – он словно продолжал жить в доспехах князя. Подняв сверкающий меч, Великий князь славин поспешил на врага. Его конь, только что с диким храпением не желавший шагнуть вперед даже на полшага, помчался вперед быстро и смело, с отчаянным ржанием.

Чародей – невозмутимый в своей страшной силе – поднял навстречу острому клинку посох. Он так и не успел понять, что кто-то более могущественный у него на глазах наделил князя Владимира своей силой. Меч, словно молния – прямая и светлая, а не корявая и кроваво-красная, как в тучах – рассек и посох, и самого чародея, разделив его на две половинки. Они еще несколько мгновений попирали чужую землю, а затем рухнули назад, в направлении собственного войска.

И началась великая битва. Войско чародея, из которого словно выпустили дух, дрогнуло. Наемники, чьи руки и души были залиты кровью невинных жертв, понимали, что пощады им не будет. Прежде уверенные в своей непобедимости, они до последнего человека полегли на поле брани...

– И что было с князем дальше? – прервал Свет молчание, наступившее в их беседе.

– Летопись подробно рассказывает о жизни князя славин – о его мудром правлении, и, что интересно, о таинственной отлучке из столицы, которая длилась не меньше двух лет. Владимир покинул столицу вскоре после той великой битвы. Вернувшись, он объяснил детям и подданным, что искал место, где мог спрятать силу, дарованную ему свыше. На возглас старшего сына о том, что силу эту могли сохранить и приумножить его дети, внуки и правнуки, князь лишь грустно улыбнулся. Может, он предвидел недобрую участь того, кто будет владеть волшебным медальоном, в котором, как говорилось в свитке, и была заключена эта сила?

Ведь к власти, к обладанию силой стремятся обычно недобрые люди. Противостоят им может человек могучий и телом, и духом, и душой. Может, среди своих официальных наследников он не видел такого?

– Официальных?! – воскликнул Свет в недоумении.

Учитель хитро улыбнулся, отчего глаза совсем потерялись на его широком лице.

– Но ведь где-то князь пропадал два года. Кому-то он оставил медальон. Слушай его описание – оно тоже приводилось в свитке – искусный мастер изобразил на лицевой стороне облик самого героя, князя Владимира. А на другой стороне было изображен символ божества, поделившегося с ним своей чудесной силой – солнце.

Молодой охотник ахнул, вспомнив талисман рода, бережно передаваемый главами рода из поколения в поколения. Все считали, что лицевым на нем было как раз изображение солнышка, а что было спрятано на обратной стороне – то было известно только главе. И интересоваться этим знаком, всегда висевшим на шее очередного старшины маленькой деревушки, было не принято.

– Так значит...

– Я тоже думаю так! – закончил его мысль учитель, – князь оставил силу твоему роду. Потому и не смог достать меня здесь круг Двенадцати... Пока не смог.

Мастер Ли помрачнел и опять замолчал.

– А как же ясеня?

– Много ты тут ясеней видел? – перебил мастер, – вспомни лучше, как называли Владимира в народе – Ясным Солнышком. Ясным! За прошедшие века он стал Ясенем... А может, и сам назвался так твоим предкам – чтобы та красавица, что стала его избранницей, не возгордилась; да чтобы лишние слухи отсюда не поползли. Ведь...

Мастер Ли не стал заканчивать мысль, только что появившуюся в голове – Свет был прямым потомком великого князя – и только этим, памятью рода, или, если хотите, памятью крови, можно было объяснить уникальные способности юного охотника. Эта память дремала многие поколения, и вот проснулась – в его ученике.

Мастер Дао зябко передернул плечами – не от гордости за такого ученика, а от недобрых предчувствий. Кровь великих героев, замешанная на силе светлого божества, не просыпается случайно. Мир – внезапно понял Ли – ждут великие потрясения.

Свою догадку, и свои предчувствия мастер от Света скрыл. По молчаливому соглашению они больше не говорили о Владимеже; не открыли тайны Талисмана и сородичам.

А эффективность занятий с этого дня резко возросла. Казалось, вместе с памятью крови – если она все таки была – проснулись и силы, дремавшие прежде в охотнике. Не забывая о долге лучшего, а в последнее время и единственного охотника деревни, Свет упорно впитывал в себя уникальный день и обширные знания учителя.

И настал наконец день, когда мастер Ли, поклонившись ему после очередного тренировочного боя, сказал:

– Теперь ты знаешь столько же, сколько и я. А сможешь узнать больше, если не остановишься.

Учитель продолжал заниматься со Светом, но стал с тех пор замкнутым и нелюдимым. Он перестал ходить с учеником на охоту; долго сидел, уставившись в одну точку, и поглаживая густую шерсть заматеревшего Волка.

Однажды ночью он исчез. Свет, вернувшийся ближе к вечеру после долгой охоты, на которую мастер Ли в очередной раз не пошел, бросился в распахнутую настежь дверь и нашел там только налобную шелковую повязку учителя, на которой на языке Дао был искусно выведен единственный иероглиф: «Надежда».

Схватив прощальный подарок мастера, он бросился вместе с собакой в лес. Волк шел по следу до того места, где за неширокой Русинкой от старого березового пенька уже вымахало несколько тонких стволиков, уже обогнавших ростом охотника. Перепрыгнув через ручей, Волк сел у этих деревцев и завыл, глядя на хозяина обиженно и виновата.

Свет понял, что могущественный круг Двенадцати мастеров Дао достал таки его учителя. Мастер Ли ушел, оставив надежду в земле рода Ясеня...

Глава 4. Предводительница парсов

Первые лучи солнца Свет встретил на берегу Русинки, уже готовый к прощанию с родичами. Он неожиданно вспомнил давний разговор с учителем. Мастер Ли тогда впервые на правах родича участвовал в погребальной церемонии. В последний путь провожали древнего старика, покинувшего род своей смертью.

Учитель удивленно крутил головой:

– В каком же виде предстанет он перед Создателем, когда Небо призовет его!?

– А что, – удивился в свою очередь Свет, – разве вы не предаете огню своих мертвых?

– Нет! – даже замахал на него мастер Ли, – гляди, – он, задрвав такую же, как на Свете рубаху, показал ему пояс, образованный тонким и длинным куском ткани. Размотав один виток вокруг талии, учитель добавил, – когда придет мой последний час... обещаю тебе, что завернешь мое тело в этот саван и зароешь в лесу так глубоко, чтобы не смогли достать дикие звери.

Свет с внутренним содроганием дал ему такое обещание. Он вдруг представил себе, в каком виде предстанет перед неведомым Создателем человек, который пролежал после смерти в земле несколько месяцев... или лет.

– Нет! – сказал он про себя, – огонь чище и... надежнее.

С этими словами он сунул факел, объятый пламенем, в кучу бересты – под крыльцо Большого дома, где все пространство было забито сухими дровами. Огонь, облизывая полешки, дополз до смолистой стены дома и вдруг расцвел, взбух гигантским цветком, заставив охотника отступить назад.

В этот момент вдруг высоко, на одной ноте, завыл Волк. Свет отступал от набиравшего силу огня до тех пор, пока не наткнулся на пса. Он прижал к своему боку огромную голову Волка – единственного оставшегося в живых существа, которого он мог назвать родным.

Огонь, набрав силу, загудел. В безветрии он поднимался прямо вверх, почти бездымный. И уносил с собой смрад горящих человеческих и собачьих тел, а может и души тех, что сейчас тоже прощались с родичем.

Свет стоял недвижимый, наблюдая, как стали исчезать строгие формы дома; как обвалилась, не выдержав своего веса, высокая крыша, взметнувшая к небу целую тучу искр и мелкого пепла. И лишь когда сила огня заметно спала, охотник бросился на помощь ему. Он передвигал к центру огромного костра недогоревшие бревна сруб, широкой снеговой лопатой подгребал туда же пепел, тлеющие угли и то, на что он старался не обращать внимания.

Его лицо покрыл черный слой сажи, который то и дело перечеркивали дорожки не замечаемых Светом слез, мгновенно подсыхающих от жара костра. К полудню на берегу Русинки от рода Ясеня остались лишь Свет да большая куча серого пепла. Он загрузил пепел в большую лодку и оттолкнул ее от берега.

Вопреки всем законам природы лодка медленно заскользила поперек течения Русинки. На середине реки она остановилась; затем, ускоряясь, начала кружиться на месте. Гигантская воронка, подняв свои края, почти скрыла ее от глаз Света. В последний раз мелькнул острый нос лодки, и воды Русинки погребли прах, погнав высокую волну к ногам Света.

Охотник, согреваемый прежде огнем и тяжелой работой, внезапно почувствовал озноб. И лишь грудь его словно согревала чья-то теплая ладонь. Свет машинально нащупал талисман, о котором забыл сразу, как только надел его на шею. Он повернул его в руках, и с безграничным удивлением увидел на обратной стороне свое собственное выражение.

– Нет, – поправил он себя, разглядывая великого предка, – князь Владимеж был постарше и... посувей.

Он не знал, что последние события добавили его переносице упрямую складку, а всему лицу ту самую суровость, которая ему прежде не сопутствовала. Теперь его сходство с предком было полным.

Свет поднял кверху сжатые в кулаки руки; в правом был зажат талисман. Потрясая ими он закричал, изливая небу и боль утраты, и ненависть к врагу:

– Я найду тебя, Узох! Слышишь, найду!!!

На другом краю планеты, в мрачном замке Узоха в это мгновение часы пробили полночь. С последним боем в комнату Повелителя невидимые руки втолкнули девочку. Узоха в последнее время не радовали прелести взрослых наложниц. Его теперь возбуждали лишь стоны и крики жертв насилия, и он приохотился к совсем юным девушкам, меняющимся каждую ночь.

Очередная жертва огляделась вокруг. Ее испуганный взгляд не доставал высоких потолков и стен помещения, погруженного в полумрак; она замерла, наткнувшись взором на бледное лицо Повелителя. Потрясенная чернокожая девочка, впервые в жизни увидевшая белолицего человека, невольно вскрикнула.

Довольный ее страхом Узох быстро преодолел разделявшее их расстояние; сильно рванул вниз простое девичье одеяние – длинную, до пят, кафию.

Полотно, не выдержав, треснуло, разом оголив тоненькую фигурку. Удовлетворенно кивнув, Узох потащил всхлипывающего ребенка к ложу, почти не заметному во тьме. Он бросил ее на жесткое одеяло, когда стены замка вдруг потряс удар. Пламя единственной горящей свечи испуганно заметалось в сгустившейся темноте. Со стен что-то с мягким стуком посыпалось на густой ковер. В углу – у столика – из упавшего на тот же ковер кубка брызнуло, разливаясь и медленно впитываясь, драгоценное вино.

Узох застыл, силясь понять причины катаклизма. Потрясение закончилось, перейдя в глухой подземный гул.

Повелитель вернулся было к своей жертве, чтобы вскоре убедиться, что продолжения этой ночью уже не будет. Поняв просыпающимся женским чутьем, что одной опасности она сегодня избежала, девочка несмело улыбнулась. Лучше бы она этого не делала. Впрочем, изменила бы ее покорность что либо в ее участи? Вряд ли.

Узох, прекрасно видевший в темноте, грозно нахмурился. Знать даже о временной слабости Повелителя не позволительно было никому! Девочка, которую Узох подтащил за длинные волосы к столику, поняла это слишком поздно. Кувшин, поднятый с ковра, обрушился на ее голову. Коротко вскрикнув, девочка упала на пол. Темное пятно на ковре начало расти, питаемое кровью жертвы.

Взяв со столика серебряный колокольчик, Узох несильно дрогнул кистью. Он не стал дожидаться прислужников, которые всегда были за дверью. Те, уже вышколенные, знали, что им предстоит делать – редкая жертва покидала покои Повелителя живой.

В соседнюю комнату, куда прошел Повелитель, доступа не было никому. Кроме каменных, ничем не облицованных стен, в ней было только огромное вогнутое зеркало, подобного которому – знал Узох – в подлунном мире больше не было. Зеркало было обрамлено по кругу рядом странного вида свечей. Узох зажег их поочередно, привычно исторгнув из указательного пальца струю пламени.

Комнату заполнил приторный чад горящего человеческого жира. Повелитель невольно поморщился – не столько от этого отвратительного запаха, сколько от воспоминаний тех жутких мгновений, когда изготавливал эти колдовские атрибуты из плоти замученных жертв. Самолично – иначе бы свечи не стали подчиняться ему.

Узох произнес заклятие. Зеркало медленно осветилось. Повелитель заметно оживился – ведь зеркало уже семь дней не отвечало ему. В сущности, зеркало было огромным оком, свя-

зывающим Повелителя незримыми нитями с глазом Чернобородого, где бы тот не находился. Узох предполагал, что в тех таинственных землях, куда он отправил одного из самых доверенных, а главное – самых опытных -адептов, зеркало может не сработать. Тем большим было его нетерпение.

Набравшее четкость волшебное око не радовало разнообразием картинки: высокое небо, облака, мелькнувшая ветка неизвестного дерева.. Повелитель послал Чернобородому мысленный призыв. Адепт не ответил, и Узох понял – Чернобородый мертв. А вместе с ним и весь его отряд, набранный с великим трудом – нелегко было в центре Черного континента набрать полсотни белых воинов. Таких, что не разбежались бы вдали от власти Повелителя. И он нашел таких. Сбежавшие из родных краев преступники и искатели приключений, они разными путями попали к Узоху, где составили отборный отряд. А кого еще можно было послать в глубь Белого континента – не темнокожих же прислужников, составлявших подавляющее большинство адептов бога, чьим живым воплощением на земле называл себя Повелитель Узох.

Внезапно в зеркале появился огромный клюв. Полная мертвой плоти лодка, медленно плывущая по Большой реке, привлекла к себе внимание семьи черных воронов. Клюв стремительно вырос в размерах и стекло покрылось четью мелких трещин. Узох закричал, прикрыв ладонью левый глаз, в который словно попал осколок волшебного стекла. И этот крик донесся до умершего уже мозга Чернобородого. Тело его вдруг вздрогнуло, и даже попыталось приподняться, но лишь скатилось с груди других трупов. Тяжело груженная лодка накренилась и, зачерпнув краем борта волну Большой реки, вдруг начала переворачиваться, роняя свой страшный груз в воду – навстречу жадным пастям обитателей речных глубин.

Зеркало, покрытое узором трещин, налилось голубым, темнеющим с каждым мгновением цветом. Узох бросился к дверям, понимая, что совсем скоро и этого цвета не будет – как только глаз Чернобородого разжует какая-нибудь прожорливая рыба.

– Любина ко мне, быстро, – бросил он в отворившуюся дверь, и мертвая тишина, которая всегда сопровождала колдовские бдения Узоха, взорвалась топотом ног, а потом и криками прислуги.

Через несколько минут перед Повелителем стоял, не поднимая от пола глаз, человек, которого можно было бы назвать его любимцем – если бы он вообще мог питать к кому-то чувства, отличные от презрения и превосходства. Узох коротко, но емко вывалил на Любина запас информации, которой тот должен был обладать. Белолицый адепт с лицом ангела и душой прирожденного убийцы молча кивал, запоминая.

– Убей всех, сколько бы их не осталось, – прокрипел ему прямо в лицо Узох, – и стариков и детей. И последнее – самое главное; если будет что-то происходить непонятное, нажми на левый глаз – вот так!

Жесткий палец Повелителя ткнулся в глаз Любина, но тот не шелохнулся, замирая в ужасе. Повидавшему, казалось, все на свете убийце стало не по себе, когда в его мозг ворвались слова колдуна – непонятные и странные. Лицо Повелителя с покрасневшим глазом оскалилось в торжествующей улыбке и Любин почувствовал, как его затягивает в себя зеркало, покрытое странным узором трещин.

Сила Повелителя росла, и теперь он мог перебросить человека туда, где был лишь намек на его магию. Потому он и спешил, пока глаз Чернобородого не растворился в брюхе какой-нибудь речной твари.

Любин вдруг ощутил вокруг себя холодную воду и мгновением позже с громким всплеском всплыл в Большой реке, откашливаясь и отплевываясь. Едва обсохнув, он зашагал через лес в направлении деревни рода Ясеня, срезая угол, образованный течением Русинки и Большой реки, в которую она впадала.

Потому его и не встретил Свет, который, закончив свое скорбное дело, погрузил в лодку охотничий припас и Волка и оттолкнулся веслом от родной земли, чтобы, возможно, никогда больше не ступить на нее.

Он проплыл по Большой реке несколько дней, замечая на берегу все больше следов человеческой деятельности и останавливаясь только для пополнения припасов. Учитель говорил ему, что в подлунном мире зла куда больше, чем добра. В этом Свет убедился при первой встрече с чужими.

Сумерки уже накрывали собой реку и лес, тесно подступивший к ней, когда кто-то невидимый в чаще грубо окликнул его. Свет не успел ответить, услышав вдруг нежное шипение летящей стрелы. Острые вонзилось в то место, где только что сидел охотник, и с прикрепленной к стреле горящей пакли в лодку плеснуло пламенем. Свет, а вслед за ним и Волк, с шумом отправились к противоположному берегу Большой, чтобы переждав, по широкой дуге вернуться туда, где шумели, что-то выкрикивая и смеясь, неведомые враги.

На лесной поляне, у края которой затаились охотник со своим псом, кипела жизнь. Освещенные большим костром, пили, ели, смеялись; а порой и ругались с дюжину крепких, совершенно разбойничьего вида людей. Среди них чужаком выглядел низенький, весь круглый человек в богатых одеждах. Нужно было очень недолго всматриваться в это лицо, в его порочные плутоватые глазки, заплывшие жиром, как и все остальное в теле, чтобы понять, что ватага грабителей и насильников – самое место для него.

В дальнем от Света конце поляны паслись стреноженные кони; стояла большая крытая повозка и шевелилась какая-то смутная темная масса.

Сидевший у костра огромный человек поднялся, подхватил пылающую ветку и направился к повозке. В дрожащем от ветра свете факела отразились человеческие фигуры, жмущиеся к колесам; связанные или скованные незримыми на расстоянии путами. Великан нагнулся к одной из них; звякнули о стальные оковы ключи и жертва, издали очень маленькая, оказалась на широком плече. Раздался пронзительный девичий крик, подхваченный проклятьями остальных узников. Тут же к ним присоединились громкие вопли боли, сменившиеся стонами, поскольку огромный башмак с размаха ткнулся в ребра одного из вопящих.

Сидевшие у костра разбойники громко захохотали, перекрыв проклятья. Насильник приблизился к костру и принялся рассматривать и ощупывать хрупкую девчущку на весу, словно в руках у него была кукла. Лишь толстячок сверкнул порочными глазками и пробормотал вполголоса по-дугански, сколько он вычтет из доли добычи великана.

Тот, не обращая ни на вопли, ни на хохот подельников, а тем более на злобный шепот толстяка никакого внимания, удовлетворенно кивнул своим мыслям, и направился во тьму, пройдя всего в двух шагах от затаившихся охотников – Света и Волка. Он не заметил, как две серые тени скользнули вслед за ним.

В эти мгновенья Свет видел перед собой яркую, хоть и неприятную картину суда над подобным насильником в родной деревне. Он, еще маленький, стоял в кругу родичей, в центре которого переминался с ноги на ногу молодой парень, не смевший поднять на людей глаза. Не воспринимавший реальности, набравшийся допьяна браги, парень шел поутру по лесной тропе и встретил – на ее и свою беду – односельчанку, совсем молоденькую девушку. Зажав широкой ладонью рот жертвы, он потащил ее в кусты.

Теперь он стоял, не смея поднять глаз, ожидая суда Совета, который не всегда был жестоким, но почти всегда – справедливым. Суд был скор – и тут же последовало наказание. Поваленный наземь насильник, удерживаемый крепкими руками сельчан, не сопротивлялся, и лишь тонко закричал, когда его естества коснулся холодный острый нож коновала. Последний, испуганно оглянувшись на родичей, пожал плечами, и полоснул по живой плоти. Он сделал свое дело быстро – ведь до этого он уже лишил ненужной мужественности великое множество бычков и поросят.

Свет, с усилием отогнав тягостные воспоминания, беззвучно обрушился на остановившегося насильника. До сидящих вокруг костра донесся лишь хриплый стон, который они встретили новым взрывом хохота и непристойностей.

Однако этот взрыв тут же превратился в изумленный, а потом и испуганный общий вопль, когда от ближайшего костра, до которого было никак не меньше пяти саженей, вылетело безвольное тело гиганта, раскинувшего в полете руки и ноги так широко, словно пытался объять всю поляну. Гигант так и рухнул огромным крестом в костер, взметнув кверху яркий сноп искр, и едва не затушив его. Впрочем, пламя тут же нашло благодатную пищу, и с довольным «урчанием» начало поглощать сухую одежду здоровяка. А тот не реагировал, задрал к небу лицо с невидящими глазами, повернутое под таким неестественным углом, что сразу стало понятным – этот человек уже ни на что не будет реагировать.

Два бандита бросились вытаскивать тело за ноги из костра и сбивать огонь с горячей одежды, а остальные вскочили навстречу стройному широкоплечему парню с приметными ясными глазами и двумя глубокими морщинами на переносице. Парень вышел из леса, держа за руку девочку. В руках у него не было оружия, но он смело остановился напротив разбойников, уже тянувших руки к разномастным клинкам.

– Бросьте оружие, – сказал Свет, протянув вперед с выставленной вперед ладонью, словно та могла защитить от острой стали, – и вы останетесь живы.

– Ах, ты.., – взмахнул клинком один из бандитов. И тут же осел, еще не ощущая боли, но с ужасом глядя, как сабля медленно, словно нехотя, падает вниз вместе с кистью его руки, начисто срезанной неведомым лезвием. Оружие с тупым стуком опустилось на землю, и тут же рядом упал его владелец, заливая все вокруг кровью.

Свет не спеша подошел, подобрав одну из своих молний – подарок учителя. Он положил ее рядом с другими, в потайной карман, машинально оттерев, хотя ничто не могло пристать к острейшему диску, покрытому непонятными знаками. Затем он занялся раненым, благо среди наук, которыми он овладел благодаря мудрому мастеру, лекарское дело было не на последнем месте.

– Следующий получит в голову, – бросил он толпе сгрудившихся бандитов, склонившись над телом и отрывая рукав рубашки потерявшего сознания разбойника – будущий жгут.

Еще один из бандитов – видя, что незнакомец занят рукой их поделщика – попытался было незаметно прыгнуть ему на спину. Однако он тут же рухнул, дернув руками в направлении расколотого надвое лба. Больше никто из потрясенных противников не мешал Свету, вернувшему на место и эту молнию, показывать свое врачебное искусство. Тем более, что из лесной тьмы вдруг выпрыгнул, и уселся напротив них огромный серый пес, который словно нарочно зевнул, показав всем огромные клыки.

Наконец Свет закончил, подошел к тлевшему до сих пор труп здоровяка и достал из уцелевшего от огня кармана штанов связку ключей.

– Все? – спросил он маленького круглого бандита, оказавшегося к нему ближе других.

Тот судорожно мотнул головой и вытащил из кармана еще одну связку, одним движением выделив самый большой ключ.

– Этот от общей цепи, – угодливо сказал он, кланяясь.

Свет взял ключи и, не обращая больше внимания на согнувшегося в глубоком поклоне коротышку, направился к пленникам. Отомкнув общую цепь, он протянул обе связки глядевшему на него исподлобья мужчине с заросшей курчавой бородой черного цвета. Убедившись, что тот правильно понял его жест, Свет снова вернулся к коротышке.

– Куда вы их вели? – спросил он, стараясь сдерживать свой гнев.

– В Шадзару, на рынок, почему-то удивился толстяк, – а одну – в Обитель Дао.

Он не заметил, как едва дрогнули ресницы охотника; в глазах Света вспыхнули недобрым огнем искры зарождающегося гнева.

– Присоединяйся к нам, величайший из воинов, – воскликнул толстяк, – четверть, нет – половина выручки будет твоей.

Свет, чувствуя за спиной тяжелое дыхание освободившихся узников, отрезал: «Нет!».

– Но ты отпустишь нас? Мы не сделали ведь тебе ничего плохого, – коротышка суетливо полез за пазуху, выудил толстый кошель и протянув к охотнику руку, высыпал на нее горсть монет.

Свет покачал головой:

– Да, вы не сделали мне ничего плохого, – он усмехнулся – вспомнил только теперь о лодке, которая догорала сейчас ниже по течению Большой, – но отпустить вас не могу. Может они вас отпустят?

Охотник показал в темноту, где сгрудились, недобро посверкивая глазами, бывшие узники. Затем он шагнул в сторону, вверяя судьбу насильников освобожденным им людям. Те молча двинулись на коротышку; на других грабителей, покорно ждущих своей участи у костра.

И тут же – к великому удивлению Света – на бывших хозяев были сноровисто надеты их собственные оковы. Мужчина, которому охотник оставил ключи, захлопнул последний замок и, злорадно усмехаясь, бросил обе связки в костер.

Все вдруг вздрогнули, когда с того места, где недавно лежали пленники, раздался пронзительный женский крик:

– Ты что делаешь шакал и сын шакала!? Вы что, не думаете освобождать свою Предводительницу?

Последовавших затем сочных, полных немислимых поворотов и сравнений ругательств Свет не слышал ни разу в своей жизни. Он густо покраснел и шагнул в сторону, когда мимо него пронеслась толпа, несколько мгновений спустя сгрудившаяся у повозки. Последняя тряслась, словно в ней метался раненый зверь.

Бестолково крича; пытаясь взломать дверцу, свернуть засов с надежным замком, все как будто одновременно вспомнили о ключах и ринулись мимо Света обратно к костру. Тот, немного оглушенный непривычным шумом и мельканием тел, подошел к повозке и, примерившись, обрушил на замок свой кулак. Добротнo сработанный искусным мастером замок выдержал; хрустнул засов, который, визжа гвоздями, выскочил из гнезда.

Дверца, оглушительно треснув о стенку повозки, распахнулась, и мимо юного охотника – даже не глянув на него – прошла черноглазая стройная красавица с пышной копной темных волос, волной спадающих на спину.

Свет вдруг произнес вполголоса слова поэта:

– Та черноокая красавица,

Оставившая без ума мужей без счета...

– Фардос? – изумленно произнес один из тех, кто окружил свою Предводительницу.

Свет словно очнулся.

– Ты тоже слышал о Фардосе? – он только сейчас осознал, что говорит с незнакомцем по-парсийски – на языке, чьи многообразие и сочность показала только что запертая в повозке двуногая хищница.

Незнакомец картинно потряс поднятыми к небу руками:

– Слышал ли я о Фардосе?! Слышал ли я о Фардосе?!!

Тут его перебил тот самый мужчина, который бросил в костер связки ключей:

– Ха! Наш Бензир его праправнук, – и добавил, смеясь, – правда, в это верит он один...

Но он действительно помнит все стихи Фардоса. А может, и больше.

Бородач снова засмеялся. Затем он, подойдя ближе к Свету, церемонно поклонился:

– Скажи свое имя, могучий воин, чтобы мы, наши дети и внуки могли возносить его в своих молитвах к небу!

Охотник, уже начавший привыкать к цветистости речи новых знакомых, ответил кратко, как привык:

– Меня зовут Свет.

– Нажудин, – мужчина коснулся ладонью груди, – воистину благословенно Небо, проложившее твой путь мимо наших страданий.

Вообще-то путь охотника проложила Большая река, а потом горящая стрела, угодившая в лодку, но он не стал отказываться, когда Нажудин шагнул в сторону и сделал широкий жест в сторону костра, вокруг которого уже устраивались, весело шумя, его товарищи. Свету наперебой стали объяснять, что бывших пленников не кормили уже вторые сутки, и что вся та снедь, которую ему протягивали сразу несколько рук, у них же когда-то и была отобрана.

За поздним ужином охотник узнал, что спасенные им люди – часть небольшого кочевого племени парсов, захваченная бандитами врасплох.

– Они охотились за ней, – понизив голос, Нажудин показал большой костью в сторону Предводительницы, сидевшей по ту сторону костра с гордым и неприступным видом.

– Зачем? – Свет наперед знал ответ, и спросил, желая лишь разговорить собеседника.

– Это проклятие великого племени парсов, – Нажудин погрузился, – нечестивые мастера Дао! Не видать им ни силы Фардоса как... как...

Он оглянулся в поисках лучшего сравнения и вдруг испуганно замолчал, наткнувшись на прямой взгляд Предводительницы. Царственная красавица вдруг улыбнулась, прекратившись в обыкновенную, хоть и очень красивую девушку. Она перевела взгляд на Бензира:

– Прочти нам легенду о силе Фардоса.

Как не силен был шум вокруг костра, ее слова услышали все. Разговоры мгновенно прервались и Бензир, с трудом глотая не разжеванный кусок, встал. Откашлявшись, он начал декламировать строки, не раз слышанные охотником из уст учителя.

Бензир оказался не только лучшим знатоком твореств великого поэта, но и прекрасным чтецом. Однако, как ни был очарован Свет волшебством слов, он сразу отметил, что смысл услышанного не совсем соответствует тому, что намертво было запечатлено в его голове. И как только Бензир умолк, охотник воскликнул:

– Но я слышал совсем другое...

– Да, – словно получив молчаливое согласие Предводительницы, кивнул Бензир, – все свитки говорят, что удивительную силу нашего поэта получит тот, кто принесет в жертву главу рода парсов. Истинные строки божественного Фардоса, кроме самих парсов слышали немногие.

Он нараспев повторил главные строки поэмы:

– Тому, кто подвиги свершит,

Ее спасая;

За кем пойдет она,

Готовая на жертву!

Свет криво усмехнулся:

– Значит, Иджомах не получит силы, даже если изведет всех Предводительниц парсов?

Сразу несколько парсов вскочили с ножами в руках, и тут же медленно опустились на место, лишь только Предводительница подняла руку.

– Пока есть великий род парсов, у него всегда будут Предводительницы, – сурово ответила Халида – так звали гордую красавицу, – однако и ты слушал о мастере Иджомахе?

– У меня к нему долг крови, – молодой охотник уже давно понял, что учителя давно нет в живых, и кто повинен в его смерти.

Халида сделала паузу, словно ожидая, что Свет расскажет, какой урон причинил мастер Дао охотнику. Не дождавшись, она заметила:

– Что ж, так может сказать каждый парс.

– Мне бы лишь добраться до него, – Свет понимал, что тайно проникнуть в Обитель вряд ли удастся даже ему. Вдруг искра надежды промелькнула в его голове.

– В Обители Дао уже знают о новой жертве? – он сидя поклонился в сторону Халиды.

– Наверное, нет, – ответил ему Нажудин.

– Но они всегда готовы заплатить за Предводительницу парсов? – повернулся к нему Свет.

– Конечно, – пожал плечами тот, не понимая пока, к чему клонит охотник.

– И если мы привезем жертву.., – Свет снова поклонился в сторону красавицы, уже стоя на ногах.

Ножи снова сверкнули в отблесках костра, и громкие крики возмущения прервали его. Парсы подступили к нему – невозмутимо скрестившему руки на груди. Они размахивали ножами у его лица и выкрикивали то ли угрозы, то ли оскорбления; а может, и то и другое вместе – в общем гаме разобрать было нельзя. Да Свет и не пытался.

Он не отводил вопрошающего взгляда от лица Халиды, которая решала тут все.

– Тише вы! – одним возгласом утихомирила она толпу; сейчас Халида снова было грозной Повелительницей, – говори.

– Мне бы лишь добиться поединка с Иджомахом...

– И ты сможешь победить его?

– Смогу! – голос Света не дрогнул.

Двое стояли, разделенные костром, и долго глядели друг другу в глаза. Тишину вокруг нарушал лишь треск горевших сучьев.

– Хорошо, я согласна, – кинула наконец Халида.

Теперь шумная толпа бросилась к ней, чтобы мгновенно спустя умолкнуть, ибо Предводительница снова подняла руку.

– Решено, – сказала она коротко, и ушла в полумрак, к повозке.

Парсы, разом погрузневшие, снова стали устраиваться у костра. Вскоре, подогретые кружками терпкого вина, они снова зашумели; затем затянули веселую песню. Свет, изумленный такой метаморфозой, подумал, что только у такого народа – гордого и бесшабашного, неистового в бою и отходчивого – мог родиться великий поэт.

Вскоре парсы – действительно отходчивые – накормили пленников и начали устраиваться на ночлег, вверив ночной покой обретенному герою – Свету. Последний решил, что с такой задачей вполне справится один Волк, и тоже уснул, немного утомленный последними событиями.

Глава 5. Поединок

Любин, посланник Повелителя Узоха, истощил все свое воображение, придумывая все новые и новые проклятия тому, что сотворил дебри, окружавшие земли рода Ясеня. Выбрав кратчайший путь к деревне, он наивно надеялся на звериные тропы, какие-то просеки и прогалыны; может даже на лесные дороги. Звериные тропы попадались, но вели они обычно совсем не туда, куда надо было Любину. Лишь к исходу шестых суток весь исцарапанный, разбитый кружением по непроходимым буреломам и ветровалам, истощавший, он вышел к Русинке.

К охоте злодей приучен не был; питался какими-то ягодами, от которых постоянно мучился животом. Так что его путь к деревне мог бы легко проследить не самый опытный следопыт – по запаху. Измученный, плохо соображавший от голода, он направился вниз по реке, и на этот раз не ошибся. К вечеру он добрался до опустевшей деревне и рухнул, не входя в нее.

Жаркое солнце делало свое дело – смрад от гниющего теперь порубленного и исколотого стрелами скота накрывал тяжелым удушливым одеялом все окрестности. Лишь наутро, пересилив себя; может быть немного попривыкнув к невыносимому запаху, а скорее подгоняемый голодным желудком, он направился к ближайшему дому. Там он спугнул стаю огромных воронов и безошибочно нашел погреб.

Отъевшись за все дни блужданий по лесу, Любин обошел, стараясь дышать покороче, все дома и, конечно же, не нашел никого живого. Впрочем, мертвых тоже не было – кроме скотины. Он опять вышел на берег Русинки, где свежий ветерок как-то отгонял смрад. Встав по центру огромного пятна пожарища, он нажал на левый глаз и привычно вздрогнул, услышав в мозгу голос незримого Повелителя.

– Не нашел никого, – словно извиняясь, произнес он вслух.

– Набери немного земли под ногами, – приказал Узох.

Тот, нашарив в кармане грязный платок, встал на колени. Наклонившись, он набрал в свернутый узелок несколько горстей земли вперемежку с пеплом.

– Ощупай его, – последовал новый приказ.

Любин, начав с ближайшей стороны, невольно отдернул руку – так горяча была ткань с той стороны, куда несла свои воды река.

– Греет там, куда ушли оставшиеся в живых. Иди и убей всех, одного за другим – до тех пор, пока земля не станет холодной.

Голос Узоха замолк, и Любин, убедившись, что он снова один на берегу Русинки, пошел, пересиливая себя, набирать в найденные мешки припасы для дальнего путешествия – он больше не хотел голодать. Вскоре он, выбрав небольшую лодочку у причала, шагнувшего далеко к речку, плыл вниз по течению, помогая ему веслами. Наутро Любин был уже на Большой реке, в шести днях пути от человека, на которого указывала горячая земля.

Парсы, просыпаясь один за другим, с удивлением и восторгом смотрели на центр поляны, где Свет завершал утреннюю разминку. Он уже сделал стремительную пробежку по редколесью наперегонки с Волком, далеко обогнав четвероногого друга; растяжки и силовые упражнения, и теперь примеривался к сваленному в кучу оружию, отобранному накануне у бандитов.

Выбрав две сабли – подлиннее остальных, и меньше других изогнутые – охотник начал поединок с незримым соперником. Зрители – как бы мало они не были искушены в искусстве фехтования – скоро поняли, что на поляне творится подлинное чудо. Ни один из них – пожелай он вступить в схватку – не продержался бы против охотника и нескольких мгновений. А бросившись все вместе – результат был бы не менее фатальным; для парсов, конечно.

Однако многие сумели сообразить, что Свет сейчас выбрал себе пусть незримого, но не менее опытного соперника. Его яростные выпады чередовались уходами в глухую обо-

рону, где никак нельзя было понять – сколько же невидимых врагов окружают его сейчас. Иногда охотнику приходилось так тяжело, что он избегал ран от незримых клинков, лишь бросаясь на землю и стремительно перекатываясь по ней из плотного окружения врагов. При этом ни острые сучки и шишки, усеявшие поляну, словно никак не ощущались его разгоряченным, обнаженным по пояс телом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.